



Валерий Иванов

**Хроники
полёта на
Марс 2078**

16+

Валерий Иванов
Хроники полета на Марс 2078

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63416628

SelfPub; 2020

Аннотация

Фантастический рассказ об отправлении русского пилота на планету Марс, и других иностранных пилотов.

Содержание

Валерий Иванов

Хроники полета на Марс 2078

В парке раздавалась едва различимая, уже устаревшая песня «People of Underground». Слабый ветерок обволок Ястребова запахом расцветшей сирени. Крохотные цветки свисали над тропинкой, ведущие вдоль разноцветных кустов. На одних соцветия были белыми, на других – фиолетовыми.

Сюда Ястребов зашел намеренно. Такую красоту, как он сам считал, можно было увидеть здесь, именно летом в этом парке. Хотелось наслаждаться природой. Здесь ощущался свежий воздух, здесь была жизнь.

Присев на скамью ярко-зеленого цвета из железных прутьев в виде цветков и выкрашенной виноградной лозы, он улыбнулся, подумал о каком-то пустяке, раскинув руки о спинку, обратился взором в яркое чистое небо, переливавшимися вершинами деревьев и белых облаков.

Место напоминало ему о раннем детстве. О тех годах, когда он на детском электроцикле в сопровождении родителей ехал по аллее среди высоких берез. Дорожка и сейчас на том же месте, но теперь часть ее была вымощена тротуарной

плиткой для стоянок машин, и стала в два раза короче.

Ястребову вспомнилось свое отрочество, шумный и таинственный лес в деревне недалеко от Беломорья, походы по грибы, сбор диких ягод, купание в речке со смешным названием Нюхча.

Ему было хорошо на природе. Внезапно он услышал щелчок в наушнике, затем послышался голос Миссина.

– Андрей, я хочу тебе напомнить еще раз! Ты можешь отказаться от полета, пока не поздно, – Миссин, не прерываясь, продолжал. – Я понимаю, что это очень важно для тебя и страны, – тут он выдержал паузу, – особенно для страны, так как это первое внеорбитальное экипажное судно. И никто не знает, что с вами может произойти в полете на самом деле. Нет гарантии, что вы можете вернуться... – вновь появилась пауза, – ...все.

– Конечно, там есть наши спутники, зонды, и наши ученые международной коалиции полностью доверяют им... Но по информации на планете за последние десять лет существует простой в ее изучении. Андрей, ты мне как сын. Ты знаешь, что я за тебя переживаю не менее, чем твоя мама. У тебя нет семьи, но если ты летишь лишь по этому поводу... то я уверяю тебя, жизнь на Земле у тебя еще сложится. Подумай!

Вслушиваясь в голос Миссина, Андрей уловил нотку нежелания отговаривать его. Ведь все же подготовка в космонавты, полет являлись научным прорывом. Юноша знал, коллега отца и его дядя действительно относился к нему по-

отечески, но, как оба энтузиаста, в самом деле они желали познать не познанное, к тому же этот полет на четвертую планету солнечной системы являлся прорывом цивилизаций всех времен. Он понимал, обязанность крестного – предупредить его. И Миссин знал и желал Ястребову: в случае удачного полета за пределы земной орбиты его подопечный через два года станет знаменит. Это немного интересней, чем простой космонавт-пенсионер, кем станет он через пять лет.

– Евгений Михайлович, я для себя я уже давно решил, – ответил Андрей.

– Ну что ж, парниша, – ласково отозвался голос, – тогда будь. И я завтра буду ждать тебя в центре.

– Буду.

Слабый щелчок дал знать, что разговор окончен.

Ястребов еще раз посмотрел на небо. Оно стало голубоватым, необычайно чистым, лишь некоторые облака, будто сказочные птицы или острова, плыли в голубом небосводе, словно намагниченные отрицательным полем, обходя утреннее Солнце, оставляя его в одиночестве, даже не закрывая его.

«Похоже, дождя сегодня не будет», – подумал Ястребов. Легкий шелест листьев, расслабляя, успокаивал. Чтобы больше никто не беспокоил, он вынул наушник в виде половинчатой таблетки и, отключив, положил в карман рубашки.

Мимо протрусила вислоухая собака, она оглядела его

грустным взглядом, вновь свесив смешную мордашку к земле, не спеша, продолжила свой путь. Это позабавило Ястребова, и он, проводив дворнягу с улыбкой, снова бросил взгляд вверх. «Спустя всего лишь какие-нибудь пару месяцев я проскочу сквозь эту голубизну, – думал он, – окунуться в пучину огромного космического моря, и уже не Вселенная, а вечность будет открыта для меня». Однако, в сравнении с тремя полетами на грузовом трайлере «Титан», про себя они называли его «сундуком», к луне, будущее путешествие казалось отчего-то все же привычным.

27 июня 2078 года Ястребов, выйдя из подъезда, похлопал по карманам, нашел электронный транспортный билет, решил воспользоваться обычным автобусом. Старенькую серого цвета «ладу-ладью» выпуска 2043 года он оставил в родном городе, в гараже. И теперь направлялся в центр комитета по исследованию космического пространства.

ИЦКП был основан сразу же после того, как в 2033 году на лунной поверхности была расположена радиолокационная станция, принимавшая волны до несколько сотен парсек. Еще 15 сентября 1924 года был зафиксирован сигнал, исходивший из далекого космоса с неким закодированным посланием, но вплоть до 2033 года сделать полную дешифровку не удалось.

13 сентября на другом конце родной планеты Андрей Ястребов, один из членов будущего экипажа «Паларус» вошел в кабинет дополнительной медицинской комиссии. Там ему

должны были сделать контрольное подтверждение на пригодность для работы в открытом космосе.

В большом помещении было светло и просторно. Посередине, у окна, стоял прозрачный стол, за ним сидела молодая особа на металлическом стуле и что-то внимательно изучала на прозрачном мониторе. Минутой позже она оторвала взгляд от работы.

– Ну, Андрей Эдуардович, – спросила молодая врач, заметив Андрея, одарив белозубой улыбкой, – значит, на Марс?
– Да, – не замедлил с ответом Андрей.

Девушка тут же принялась что-то записывать в медицинскую карточку. Андрей отметил прозрачность ее зрачков. Производя удары за ударами пальцами по сенсорной клавиатуре, врач быстро что-то печатала, затем, нажав пальцем на контрольную клавишу, подняла бесцветные глаза. Ястребов, стоял в ожидании, он был готов ко всем неожиданным вопросам этого зачарованного взгляда.

– Ну, навигатор, поздравляю вас, – она оценивающе посмотрела на Ястребова, стараясь скрыть улыбку, отчасти в ней угадывалась надменность, – вы прошли контрольное обследование. Можете лететь, – заключила она, рассматривая Андрея, и вновь принялась за работу.

«А девчонка-то интересная», – подумал Ястребов. «Как только вернусь обратно, – решал он, – обязательно разыщу и женюсь на ней...»

– Спасибо, Жанна.

Жанна была удивлена. Оторвавшись вновь от монитора, она бросила вопросительный взгляд на астронавта, но тут же вспомнила, что с левой стороны ее халата была прикреплена карточка-паспорт, удостоверяющая личность. Молча отреагировав, она вернулась в работу. Выходя из двери, Ястребов бросил короткий взгляд на брюнетку, девушка по-прежнему была занята работой. Раздосадованный, скривив губы, он вышел.

В коридоре он встретил Янсона, в знак приветствия кивнул ему головой.

– А-а! Вот и он! – Миссин обрадовался, когда в проеме раскрывшихся дверей появился Ястребов.

– Ну, ты как, готов? – Миссин подошел к Андрею.

Миссин подошел ближе.

– Да, дядя.

– Ну, – Миссин все же надеялся, что Андрей изменит решение и останется на Земле. Все же у него были какие-то предчувствия о небезопасности полета. – Вот и славно, —

слукавил он. Миссин по-дружески обнял Андрея за плечи.

– Ну, – он решил оставить попытки отговорить его, уже зная заранее, что у него это не получится, – тогда иди. Пока на инструктаж, – сказал он по-отечески, с гордостью глядя на племянника. Он хотел одарить Андрея позитивом наступившего дня, но, чтобы тот не расслаблялся и принял его как за обычный рабочий день, старался скрыть на лице неудер-

жимую улыбку.

– Мне с тобой потом надо кое о чем поговорить.

Андрей вошел в комнату, где проводился инструктаж.

Ему сразу вспомнились школьные годы и то время, которое он проводил в учебном классе навигаторов. Но сейчас все было не так, не та обстановка. Здесь не было никаких плакатов с историческими факторами полетов, наивных плакатов с конструкциями устаревших и новых орбитальных станций. Здесь не было той атмосферы безответственности и юношества, требованию его нынешнего положения.

Из двенадцати парт были заняты всего лишь семь, за которыми находились уже специально обученные натренированные члены будущей миссии. Андрей знал, что не надо уже сдавать никаких экзаменов, что все уже позади. Осталось лишь получить указания к выполнению задания и приняться за работу. Работу, которую еще никто никогда не выполнял или отчасти, но она была не похожа на другие. Ястребов и остальные пять человек в команде будут называться первопроходцами. Мысль о том, что пионер – это не только член любительской организации, основанная двадцать лет назад кем-то из новых комсоргов, а еще, что он является первым и единственным представителем российской новой федерации среди астронавтов, первопроходцем килопротяженных космических путей.

Будущие пилоты «Паларуса» обратили внимание на появ-

ление русского астронавта. Здесь был афроамериканец Янсон, великобританец тридцати одного года; американка Джоанна Линдау, сейчас ей двадцать четыре года, дочь профессора по аэродинамике, недавно начавшего работать в том же здании, где находится и центр полетов. В тринадцать лет она с родителями переехала в Хабаровск. В семнадцать лет после курсов навигаторов поступила на высший пилотаж космических полетов при НАСА, где, окончив с отличием несколько программ, стала космонавтом-теоретиком.

Андрей Волон, француз, был замещен вместо корейского космонавта Джей Лао, которого внезапно отстранили перед началом полета. Также в классе подготовки, за третьей партией, справа, у стены находился итальянец Доминико с французской фамилией Луалазье.

– Итак, господа, – начал речь на русском языке куратор и руководитель полета Франсуа Ловье, как только Ястребов занял свободное место за партией. – Всем вам предстоит выполнить величайшее в области космической науки и истории задание и путешествие на отдаленный от нас иной мир. Но, право, я не знаю, как сказать.

Ловье казалось, был взволнован, что было удивительно для этого твердого духом человека.

– Будет ли вам рад этот мир: песчаники, кратера, горы – все, чем полна дальняя планета, дальний мир.

Его речь, казалось, будет длиться вечно, но она была очень необходима молодым навигаторам, и каждый старался вник-

нуть в его слова, так как эти слова могли быть для них последними следующих из указаний учителей.

– ...итак, через два часа наступит обратный отсчет, – заканчивал Ловье свою речь, – работы на этот раз, вашей, по-новому скомплектованной команде предстоят необычные. Ну что еще... – было заметно, что куратор волнуется, но ему было необходимо провести небольшой экспромт перед дальним полетом, – космический полет займет пять с половиной месяцев. И Марс совершенно для вас будет другой, неизвестный. Это значит, что не просто эта планета находится в пятидесяти миллионах километров от Земли или работа на лунном кратере. Эти первые шаги на поверхности планеты, которые предстоит сделать именно вам, друзья. Вспомните Гагарина, Армстронга – наших первых выпускников в космическое пространство. Но перейдем к вашим непосредственным задачам.

Никто не заметил, как Андрей иронично улыбнулся: француз забыл упомянуть о Белке со Стрелкой.

Ловье был одет в черный военный костюм. На левой стороне его груди отсвечивали две нагрудные медали. Он опирался ладонями о стол, рассматривая едва различимые лица. В классе подготовки под потолком горели только две тусклые длинные ионовые лампы, свет которых приглушался экраном с высвечивающимися на нем картами и числами.

– Миссия, господа, займет двести семьдесят пять дней, включая полет. Прошу извинить меня, господин Ястребов,

но я хотел бы закончить, – куратор прервал одного из пилотов, заметив тянущуюся вверх руку, – и если у присутствующих появятся вопросы, то я обязательно на них отвечу.

– Итак, – продолжил Ловье, – после окончания работ на обратном пути на Землю вы должны катапультироваться при срабатывании датчиков слежения вашей катапульты, в районе Аравийского моря.

Ловье повернулся боком к визуализационной карте, находившейся за ним.

– Все будет хорошо, когда автоматика сработает вот в этой точке, – он слегка прикоснулся пучком света лазерной указкой к экрану еще раз, повторив координаты приземления.

– И по возвращении домой... – он снова обратился в сторону пилотов, на его лице появилась едва заметная улыбка, закончил, – вас ждет успех.

– Да, господа, я должен дополнить, что полет сокращается на два месяца. Потому как наши психологи подсчитали, что получается, при задержке в пространстве больше срока независимо от проводимых проверок испытуемых в изоляции людей, превышает норму. Мы сдались, – очки Ловье отсвечивали отражение тусклого света комнаты, как два маленьких продолговатых прожектора, – поэтому срок вашей командировки уменьшился. Однако, —

его южноафриканское лицо вновь озарилось дружелюбной улыбкой, – это никак не отразится на вашей зарплате. Далее...

Ловье стал всматриваться в зал.

– Что вы хотели спросить у меня, мистер Ястребов?

– Да нет, сэр, спасибо, вы уже ответили на мой вопрос, – в словах русского астронавта сквозила нотка сарказма. Андрею никогда не нравилась европейская холодная надменность и слово «сэр» обозначало для него подчиненность. Сам Ловье для Ястребова был недостойн его благосклонности. Он походил на тех напыщенных офицеров, где Андрей проходил курсовую подготовку к полету, попав туда сразу после школы. Русскому человеку было проще, когда к нему обращались просто по имени.

На минуту Андрею вспомнилась подготовка в Иллинойсе. Рядом американцы, немцы, австрийцы, но единственный, симпатизировавший ему из европейцев, был простой итальянский паренек Фредерико, к несчастью, он чем-то заболел и был вынужден покинуть школу.

Ястребов отвлекся от воспоминаний, Ловье принялся зачитывать фамилии:

– ...мистер Ястребов, географ-планетолог, должность – навигатор «Паларуса». Второй пилот, мистер Янсон, военная инженерия. Третий пилот, Джоанна Линдау, должность – микробиолог и, как биолог по образованию, является судовым медиком. Четвертый, астронавт Доминик Луалазье, лингвист, должность – культуровед. И, наконец, пятый член экипажа, пилот Андрей Волон, бортовой инженер. И небольшая формальная поправка: все записи аттестации, должно-

сти, документы руководства, обязанности при вынужденном отсутствии пилота Джей Лао перелagаются на Майкла Янсона...

После не большой паузы и дальнейших рекомендаций Ловье еще раз внимательно оглядел стоявших за партами людей, сняв очки. Малоознакомые для присутствующих пилотов ярко-зеленые глаза куратора выглядели усталыми.

Франсуа Лавье, пятидесяти четырех лет. Однако этот человек выглядел довольно-таки моложе своих лет: подтянутый, похожий на пехотинца. Не как обычные орбитальные ученые, ушедшие на пенсию, а как квалифицированный третьего класса пилот с мудрым взглядом. Обычно таких представляли в героических фильмах как старейшинами легионов.

– Ну вот, – вздохнул куратор, – пожалуй, и все.

Грустная нотка во взгляде его быстро исчезла.

– Прошу, друзья, всех следовать в кройкамеру, оттуда вас отвезут прямо к космолету, —

сказал все, так же дружелюбно улыбаясь и обнажив белые зубы, Ловье.

Легкий микроавтобус Fuintika по шоссейной дороге доставил астронавтов на новую станцию «Велес».

В одном из мексиканских штатов на севере страны был создан космический полигон для дальних космических полетов. В США после падения доллара некоторые части капиталистической империи разделились на жилые комплексы,

а остальные отошли к местам, где располагались небольшие челноки для орбитальных полетов, используемые, в частности, для турполетов. После природных катаклизмов и частых наводнений в северной части Европы, усилившиеся с 2008 года, политологи-географы и другие ученые деятели стали объединяться в народные схождения для предостережения неугодных планетарных явлений.

К 2115 году один из этих блоков планировалось направить для работы на луну. Такими являлись НС (научные содружества), работали они как единая обсерватория по изучению планетарных земных явлений и космических исследований, включая такие явления как стремящиеся до сих пор к Земле тела в виде метеоритов и комет.

Такая научная программа стартовала сразу же после того, когда пятьдесят лет назад Земля почувствовала всю мощь влияния большой кометы. В 2028 году произошло масштабное разрушение большинства европейской части Земли. Внеорбитальное тело, в диаметре чуть меньше половины диаметра луны, пронеслось со скоростью в 700 км/ч, наибольшее влияние принесся на юго-западные части планеты и грандиозные катаклизмы и разрушения половине человечества.

Некоторые из стран, находясь в стороне от централитета, разбились на объединения. В одних из которых присутствовал дух новых буржуа, такие как Иран и Израиль, были заинтересованы только своей прибылью и занимались лишь од-

ной торговлей. С юга из-за новых вспышек эпидемий и революций к 2052 году Палестина вообще закрыла свою границу, объявив себя суверенитетом.

«Паларус», космический челнок. В отличие от первых орбитальных моделей девяностых годов прошлого века, выглядел иначе. Больше стало сильночувствительной аппаратуры, также благодаря нанотехнологии российской индустрии, когда еще начиналось ее развитие в начале XXI века. Никто и не предполагал, что эта наука будет способствовать дальнейшему и блестящему изучению солнечной галактики, а так же мест за ее пределами. Благодаря российским ученым обшивка корабля была из легких сплавов, что позволяло развить большую скорость. Сама конусовидная форма корабля больше напоминала аэроплан, выступавшая на не большом расстоянии от «дорожки», – так шутливо называли между собой космонавты держатели ракет, считая стропы дорогой вверх.

Для Андрея все было обычно, однако произошли изменения в усилении журналистов-телерепортеров, в сравнении перед полетами на спутник Земли, их количество умножилось. Значительно увеличилась численность зевак. Кто-то прибыл специально с других уголков мира, чтобы запечатлеть для себя исторический момент.

По периметру полигона не было заграждений, ни одного ультразвукового столба. Толпа удерживалась живым ограждением полиции. Откуда-то из толпы раздавались голоса пикетчиков, людей недовольных новыми изменениями прави-

тельства. Среди собравшихся зевак нередко появлялись разноцветные плакаты, но благодаря дежурным, наблюдавшим за порядком, тут же исчезали. Ястребов стоял на трапе. Он заметил, как в вдальке двое из дежурных оттесняли среди собравшегося народа какого-то человека, схватили и потащили беднягу к полицейской машине.

Следуя в шлюз третьим за Джоанной, Ястребов долго не мог забыть задержанного мужчину.

«В чем, интересно, провинился этот бедолага», – думал про себя Андрей.

Он зашел в узкое помещение со спецоборудованием.

«Видимо, политический режим настолько отстает ... хм, – ухмыльнулся он, – но еще каких-то сто лет назад аббревиатура была такой же, как сейчас, не хватает только одной буквы. Впрочем, такая новая расшифровка даже звучит: содружество стран России, хм. А раньше...»

– Джоанн, – он обратился к девушке, – вы не помните, как раньше, при коммунизме, расшифровывалось СССР? Союз... как дальше?

Согласно численному расчету астронавтов, уже находилась в третьей криокамере по левую сторону от Ястребова. Переговорное устройство располагалось внутри шлема возле рта, позволяя вести переговоры, как с Землей, так и с экипажем.

– Откровенно говоря, я не знаю, Андрей, – Линдау мало интересовалась историей России.

– Это была страна советов, мой мальчик, – в ушном микрофоне послышался отеческий голос Миссина. – Союз Советских Социалистических Республик, Андрей. Когда он разваливался, в то время родился как раз мой отец.

Связь с кораблем шла из разных частей планеты, мировое наблюдение за полетами велось из ЦУП США, России, Японии, Бранденбурга.

Должности командира не было, но ответственность за состояние корабля, как и экипажа, по решению руководителей возлагалась более опытному. Вместо назначенного на должность старшего корейца Лао, был назначен человек из стратегической базы. Как старший экипажа, Янсон вел переговоры с кем-то из руководителей полетов.

Сквозь прозрачные капсулы можно было видеть, как снаряжены каждый из членов полета. Астронавты были одеты в одинаковые корабельные комбинезоны (ТИК – тепловой изоляционный костюм для космических полетов), различаясь лишь маленькими флажками на воротнике, места рождения, с нашивками фамилий и имен на груди. Ястребову было хорошо видно шевеление губ старшего в экипаже, находившегося напротив него в метре, он вел передачу с центром управления.

Внутри криокамеры зажегся светодиод, предвещаая отсчет времени. Как и ожидалось, послышался женский голос. Андрей заметил, что этот голос был более мелодичный из всех

ему знакомых.

– Наверное, она очень юна, и ей, наверное, только исполнилось двадцать лет, – подумал он и улыбнулся, и попытался представить почему-то веснушчатую брюнетку с хвостиком.

– Добро пожаловать на борт корабля «Паларус», – продолжал приятный голос, – на протяжении полета, в течение месяца, вы будете находиться в искусственном сне, поддерживаемом криокамерой. Ваш биостатус будет контролироваться. Удачного вам полета.

Минуты через две тот же голос вновь зазвучал в каждом из наушников пилота.

– Прошу приготовиться к старту. Старт будет дан через десять секунд, девять, восемь, семь...

В этот момент Андрею вспомнился полет на вертолете, над разлившейся и оледенелой рекой, он, тогда летел к своему товарищу. Это место находилось где-то под Архангельском. Поселение, где жил друг, осталось нетронутым разливом воды. Почему-то вспомнился Днепропетровск, там жила его тетя, которую он иногда навещал в краткосрочные отпуска.

– Четыре, три... – голос словно терялся где-то в полутьме.

Последний отсчет он уже не слышал, в этот момент Андрей крепко спал. Оператор досчитал последние секунды, и стопоры отпустили, нетерпеливый и тут же взвившийся в голубую бездну носитель космического корабля...

В центральном управлении все замерло. Через несколь-

ко минут локатор, наконец, показал путь перемещения объекта. Бортовой компьютер судна передал о стабильном жизнеобеспечении экипажа корабля. И после недолгого обсуждения о том, как удачно был запущен первый космический аппарат с людьми в сторону четвертой планеты, все, кто находился в большом зале с мониторами, понемногу успокоились.

Миссин, как и остальные ученые, остался продолжать наблюдать за полетом.

На кухне раздался мелодичный звонок. Анна Михайловна подошла к телефону, висевшему на стене, и нажала на кнопку блокиратора.

– Да?

– Здравствуй, сестра, – в динамике она услышала голос Миссина, – вот хотел бы рассказать тебе, как ты и просила. Прошло три дня, и пока все без изменений, то есть, Аннушка, все в порядке. Древние племена инков бы сказали «халлями!».

– Ой, Женя, спасибо, что позвонил, а то я новостям не очень-то сейчас и верю. А сам-то приехал бы как-нибудь, посидели бы, поговорили.

– Нет, Анечка, спасибо. Я сам сейчас в центре. Мы сутками дежури́м, ну, – Миссин не предполагал, что так долго будет задерживаться на работе, – как и предполагалось. Но через месяц будет усиление, потому что произойдет карди-

нальный период полета экипажа и потребуются свежие силы для наблюдения. Они должны выйти на связь, так я освоюсь на недельку и к тебе первым же рейсом. А так буду звонить, спрашивать. Как ты сама, хорошо? – Миссин не хотел рассказывать о том, что экипаж может не выйти на связь, как в нужный момент, так и в последующее время. Потеря корабля была бы грандиозной утратой не только для Земли, но и колоссальной болью родственникам погибшего экипажа космического корабля.

– Конечно, Женя, звони, я буду ждать.

– Да, скажи, как Тори?

– Да все в порядке. Моя соседка как узнала, что у меня появился пес, тут же решила, что будет приносить ему косточки или что-нибудь из еды.

– Ну, хорошо, до свидания Анюта. Еще созвонимся.

– Хорошо, Женя, звони, до свидания.

В двадцать один час, три минуты, две секунды первый межпланетный челнок «Паларус»

вышел с орбиты Земли. Его космический маршрут был направлен к Марсу, планете солнечной системы.

Спустя тридцать дней с момента запуска корабля, внутри каждой из капсул, где в искусственно поддерживаемом сне находились пилоты, поочередно зажегся инфракрасный легкий свет. Постепенно в звездолете загоралось внутреннее освещение. Поочередно криокамеры возвращались в вер-

тикальное положение. Освобождаясь от замков, выпускали кислородную смесь, преобразуя в шипящий пар.

Первым, кто открыл глаза, был Луалазье. С трудом, выйдя наружу из камеры, удостоверившись в том, что гравитация равнялась норме, он первым делом проверил работу других капсул. Все было в норме. Осталось пройти в рубку и проследить за работой навигации.

После установления контакта с Землей в главном отсеке Янсон решил собрать весь экипаж.

– Значит так, господа, – говорил он на установившемся за тридцать лет международном русском языке. Но пробивавшийся акцент напоминал о инозвучии, родной язык его был английский.

– Из шести намеченных месяцев полета в бодрствующем состоянии, я имею в виду обычный рабочий распорядок на корабле, придется провести четыре, остальные два в анабиозном состоянии, то есть в искусственном сне.

– Ну, – Янсон замешкался, – один-то мы уже...

– Вот как, – бросил шутку Ястребов, – а я уже думал, нам тут от скуки придется завянуть, как сардинам в консервной банке.

Крутясь в кресле пилота, он заметил, как Линдау отреагировала на его дополнительную шутку едва заметной улыбкой.

– Уже трое суток прошло, а мои конечности до сих пор как в сиропе, – с иронией сказал Ястребов.

– Non bene ho sonno. Sì, esattamente.¹ Хотя я и первым проснулся, мои ноги, словно тампоны, – сказал Луалазье, желая что-нибудь сострить, но ни у одного не появилось даже улыбки на лице.

– Ну так, Домин, попробуй, сделать физзарядку. Вас в центре подготовки всяко учили, что делать в подобных ситуациях? – пошутил Ястребов.

– Конечно, мы занимались спортом, каждый день уделялось по два часа на бег, упражнения для рук, ног, на упражнения от затекания мышц.

– Для рук, для ног, говоришь, а для головы? – сказал Андрей, сдерживая улыбку.

– Не понял? – удивился итальянец.

– Ну, постоять, например, на голове? – Ястребов заметил, что тот не уловил его шутки, – походить вниз головой, например.

Андрей сделал серьезное предложение, чтобы вывести оппонента из непонимания.

– Quindi, non avrebbe. Это бесполезно, Андрей, – Луалазье принял шутку Андрея за чистую монету, – пусть даже при частичной невесомости в десять атмосфер, это бесполезно. Кровь может застояться в венах. Другие фигуры можно делать при частичной невесомости более шестидесяти атмосфер, но не более пятнадцати минут. Иначе, – на лице итальянца появилась улыбка, – может получиться кровоизлия-

¹ Так дело не пойдет.

ние, как при первой стадии невесомости.

Подпитал информацией русского итальянец.

Ястребов, выслушав коллегу, не знал, что ответить. Ответить на заумность друга он не решился, терять времени на первые и не первые уже дни полета не хотелось.

– Это вам Джоанн так сказала? – Ястребов все же не удержался от сарказма.

– Нет, это мое личное мнение, – ответил итальянец.

– У-у брат, да у тебя, я вижу, нервишки. Ничего, полтора годика на Марсе среди пяти человек, в общем, это тебе не в казарме с ее марш-бросками.

– È, russo, sempre in dubbio in italiano logic,² – без злости отшпарил Луалазье, – я был в армии, – добавил лингвист, защищая себя.

– Полгода?! Друг.

– Шесть месяцев, – с гордостью утвердил итальянец. – У нас идут в армию, чтобы отдать долг. А не по принуждению...

Луалазье хотел задеть по самолюбию русского пилота, но того трудно было чем уязвить. В рубке снова появился Янсон.

– Господа астронавты, – сказал он.

– Предлагаю что-нибудь перекусить, на камбузе, потом, кто захочет, может отдохнуть. А завтра будет рабочий день. И 6 октября по полудню у нас отчет на Землю о проделанной

работе. Я имею в виду телеэфир экипажа с Землей.

Янсон имел мощное телосложение. Нижняя губа его чуть была больше, что по физиогномике представляло натуру упрямую, однако, и любвеобильную. Приплюснутый большой нос Янсона говорил о его добродетели, уши без мочек. Острый взгляд. Все говорило о мудрости. Луалазье полностью противоречил старшему члену экипажа. Они сходились лишь в остроте внутреннего восприятия.

– Это очень важно, – воодушевленно произнес итальянский ученый, – этого никак нельзя пропустить.

У Луалазье после разговора с Ястребовым заметно поднялось настроение. Однако лингвист был скорее скептик, чем острослов, что, впрочем, было очень заметно.

– Представьте, нас увидят миллионы землян тогда, когда мы находимся в миллион миль от родной планеты.

В его словах улавливалась нотка грусти.

– Не переживай, Домин, меня не бывало дома по полтора года, и ничего. Всегда возвращался обратно. Я нес службу даже без отпуска, представляешь, Дон? – сыронизировал Ястребов, хотя у него не было никакого желания шутить. Но итальянец не понимал русского юмора.

– Вот вернешься, женишься, – Ястребов старался приподнять настроение Луалазье, расплываясь в дружелюбной улыбке. Он перевел взгляд. Напротив него за столом сидела Джоанн.

– У меня нет невесты. Questa tenuta, сеньор.

– Что же так?

Ястребов отправил в рот последний кусок сардельки и через трубочку хотел попить остывший кофе.

– Это долгая и, я считаю, неинтересная история, – итальянский астронавт доел котлету и закрыл обеденный контейнер.

Ястребов заметил, он не дотронулся до стаканчика с кофе.

– Все же, что дальше?

Ястребов, как и остальные члены экипажа, закончив трапезу, молча ждал, что скажет Доминик.

Корабль двигался в оперативном режиме. Времени на разговор было теперь предостаточно. Кухонный блок включал стерилизованный воздух, здесь можно было даже затянуть немного ароматизированного дымка.

– У нас много времени, амигос, и если тебя что-то беспокоит, лучше, я думаю, рассказать. Это поможет, я тебя уверяю.

– Но у нас тут нет элементарных для этого вещей, – сказал, притворяясь изумленно Луалазье.

– Чего же? – удивился Ястребов.

– Ну, – задумался итальянец, вспоминая русские посиделки, – кружечки пива, например, – улыбнулся Луалазье.

– Э, брат, ты просто отвлекаешься, – заметил астронавт. – У нас в России это можно и без стакана, просто поговорить по душам.

– По душам? – Луалазье внимательно посмотрел на рус-

ского. Он отогнул кусочек трубки и глотнул кофе.

– Вообще-то она очень хорошая девушка, – сказал Дон.

– Не сомневаюсь, – Ястребов заметил, что итальянец идет на контакт, – что дальше?

Россиянин заметил вакуум в разговоре и, чтобы не потерять из виду «пациента», решил, не напирая, продолжить с ним беседу.

Такое состояние изучалось на психологических курсах. Человек за время долгого проведения в открытом космосе мог потерять контроль над собой, и личность превращается во что-то вроде пространства, которое не живет, а проводит существование. Ученые по парапсихологии считают, что в невесомости при малой работе мышц такой процесс происходит при учащении работ фагоанимов, в биоинженерии это называется снижением энергии, вырабатываемой генами. Что приводит к застою этой невидимой невооруженному глазу субстанции энегеники. В быту это хроническая усталость, депрессия.

Луалазье не спешил, он сделал еще несколько глотков уже успевшего остыть в пластмассовом стаканчике кофе.

– А что дальше?! Она вышла замуж, моя вина лишь в том, что я скрывал свои чувства... это моя вина.

– Э-э браток, это ты так думаешь, а вот послушай, а если бы она согласилась быть с тобой?..

Андрей Волон, который все это время молча сидел, доделал свой обед, встал из-за стола, впихнул свой пищевой

контейнер в бак для мусора. Вышел из кухни.

– ...если бы она очень хотела, то ни за что бы, слышишь, ни за что бы не променяла тебя на другого человека.

– Вы так думаете, Андрей?

– Просто, Андрей, – Ястребов одарил собеседника дружелюбной улыбкой, пожелав сделать союзником коллегу из другой страны. Он знал: за многие тысяч миль от Земли разговаривать по-светски в условиях ограниченного пространства обоим будет нелегко, тем паче, что у итальянца по всем меркам уже наступала «космическая депрессия». Необходимо было скорей выводить парня из этого состояния, впереди чужая планета и невиданная человеком природа.

– Мы в одном эшелоне, в одном «рюкзаке» или, чтобы тебе было понятнее, в одной команде. Оставь эту фамильярность, друг.

– Просто Андрей? – на лице итальянца появилась улыбка. – Окей, просто Андрей.

Луалазье допил содержимое стаканчика и направился к выходу. Он решил принять душ, а затем вновь приступить к своему очерку. Лингвист вел дневник. За время всего полета он решил записывать свои мысли, нумеруя их ежедневно.

– Вы хороший психолог, Андрей, – заметила Джоанна Линдау, когда мужчина и женщина остались вдвоем.

– Нет, что вы, синьора, простите, мэм.

Ястребов решил сострить, сделав вид, что запутался в словах.

– Мисс, – поправила она.

– Что? Ах да, простите, мисс. Просто, как и у Луалаэ, у меня схожая ситуация, – Андрей неожиданно для себя решил открыться девушке.

Линдау удивленно посмотрела на Ястребова. Он никак не давал повода другому человеку подумать о том, что у него могли бы быть проблемы в отношениях с женщинами.

– Он и я – мы оба не женаты, хотя нам уже по тридцать четыре...

Линдау притворилась, что понимает его и сочувствует.

В рубке челнока было тесно, но никто не жаловался. Над панелью управления был вмонтирован небольшой экран для связи с Землей. В своих креслах находились первый, второй и пятый пилоты. Позже к ним присоединилась Джоанна Линдау и лингвист Доминик Луалаэ. Они подошли по просьбе Янсона в то время, когда началась трансляция из ЦУПа.

– Здравствуйте, дорогие друзья!

На экране появился силуэт Джека Якобсона, в некотором смысле руководителя полета. Он был первым человеком после куратора, в своем образе так и неизменно он носил белую остроконечную бородку.

– Начну с того, что мы рады вас видеть здоровыми и невредимыми. Вы, мистер Янсон, как я вижу, даже побрились, – пытался шутить Якобсон, так как люди, сидевшие пе-

ред экраном, были очень серьезны, – и в полном порядке. Ну, к делу.

– Завершается ваш четырехмесячный, я бы сказал, дрейф, в глубинах космоса. Теперь, господа, будем настраиваться на работу. Работа на самой загадочной из планет нашей системы – красной планете. Это центр вашей миссии... Вот, что вас ожидает, друзья мои, – Якобсон, казалось, напряг скулы, пытаясь скрыть улыбку. Его радость за первопроходцев с трудом сдерживалась. По ту сторону экрана не было видно, как он разводит руками.

– Второе, – продолжал Якобсон. – У меня есть сюрприз для одного из членов вашего экипажа.

Он исчез с экрана.

– Ай, мама! – экипаж услышал радостный крик Джоанны. – Это невероятно, как я рада тебя видеть, мамочка! Как ты?! Расскажи!

– У меня все хорошо, Джу, милая моя девочка, спасибо. Скажи, как ты себя чувствуешь? – спросила ее мать.

На лице женщины сияла радостная улыбка. Но было заметно, что она в замешательстве. Давно не видеть дочь. И теперь за короткое время нужно было рассказать все новости и выслушать саму Джоанну. Из-за дальности телепередачи сигнала изображение слегка переливалось рябью.

– Сокс вчера привел к нам свою подружку, и раз тебя, моя дочка, пока рядом с нами нет, мы приютили их, теперь ждем появления котят.

– Ой, как здорово!

За Джоанной наблюдал Ястребов, в его глазах она стала, на удивление, другим человеком. Она ему представлялась сейчас не той серьезной девушкой, а маленькой наивной девочкой, и так хотелось прижать ее к себе, поцеловать ямку на левой щеке.

– Как интересно, мам, ну а как Тэд? Он поступил в колледж?

– Да, Джу, Тэд поступил с отличием.

– Он молодец. Мама, обязательно передавай ему от меня привет. Как папа?

– Вильям, – мадам Линдау, казалось, не желала говорить об отце Джоанны, – недавно поскользнулся. Ты ведь знаешь, Джоанна, осенние дожди стали чаще, зима к нам приходит теперь намного раньше. Сейчас он в травматологии, но врачи говорят, что перелома ноги нет, поэтому его скоро выпишут из больницы. Джу, я тебя очень прошу, будь осторожна. Я тебя очень прошу, и ты знаешь, как я тебя люблю.

– Конечно, мама, и я тебя люблю, ты только не волнуйся. У меня все хорошо, и экипаж хороший.

Женщина, казалось, хотела еще что-то добавить.

– Ну, доча, все. Мне тут показывают на часы, чтобы я заканчивала. Джоанна, береги себя. Почаще выходите на связь, я тебя очень жду, целую.

– Целую, ма...

На экране вновь появилось мужское лицо.

– Спасибо, мистер Якобсон, что пригласили маму, – едва Джоанн успела попрощаться.

– Ну что вы, Джоанна, мадам Линдау так просила тебя увидеть, что мы ей просто не могли отказать в этом и не могли, конечно, не сделать тебе приятно, – ответил руководитель проекта.

Джоанн еще раз поблагодарила Якобсона.

– Ну, друзья мои, – продолжал непосредственный руководитель, – сегодня, я полагаю, вы еще раз соберетесь. Все обсудите о самой высадке на поверхность. Друзья, вы первыми сойдете на первую планету. Заранее распланируйте ваши обязанности и... я сам волнуюсь не менее чем вы. Заранее поздравляю вас, ребята. Это я могу абсолютно уверенно сказать.

– Старший над составом Янсон мне уже послал рапорт о состоянии корабля и вашей личной, скажем так, положительной готовности каждого. Мы здесь удовлетворены результатами. Надеюсь, все без изменений, мистер Янсон?

– Без изменений, сэр, – отрапортовал Янсон.

– Ну и отлично! Сэр Ястребов. Здесь вас желают слышать, – Якобсон не успел договорить.

– Андрей!? Мальчик мой, привет!

Контактора перебил знакомый Андрею голос. На экране появилась фигура Миссина.

– Дядя, здравствуй, как ты?

– У нас все в порядке, я только что занес ноги в центр,

едва успел на трансляцию с «Паларусом». Вчера прилетел в Мичиган. Так первое: твоя мама передает тебе большой привет, у нее все хорошо, ждет твоего скорого возвращения. Я ей сказал, что сегодня у нас с тобой встреча по каналу. По телевизору вас покажут только завтра, так как все будет по записи...

Миссин улыбнулся. Он торопился, время встречного эфира было ограничено.

– Спасибо, Евгений. Ребята, у нас осталось несколько минут для многомиллионной публики и приветы, приветы не забывают. Все, до связи! – Джек Якобсон вновь исчез с экрана.

Экран стал темно синего цвета. Это означало, что стала доступна обратная связь для записи. Андрей не успел приготовиться. Что же такое он может сказать? Он вспомнил Викторию, которая, наверное, уже вышла замуж за того милиционера из спецподразделения, маму... Времени на раздумье не хватало, он услышал глухой голос Майкла:

– Привет многомиллионной планете, – перефразировал слова руководителя Янсон, стараясь не терять ни секунды.

Янсон вел себя перед экраном, как и полагалось старшему члену экипажа, сдержанно и серьезно.

Во время навигации Янсон позволил себе улыбнуться лишь тогда, когда экипаж сидел за кухонным столом. Его развеселили Доминик одной из шуток и житейскими курьезами Волон. Но при трансляции с Землей он не скрывал во-

одушевления, и в то же время, казалось, от него, исходила сила лидера.

После оставшихся трех минут журналистских вопросов и в течение следующей минуты ответов были также переданы приветы, пожеланий от космонавтов. После нажатия Волоном кнопки записи передача отправилась на Землю. Вскоре экран, зарябив сильнее, угас окончательно.

В рубке воцарилось молчание. Первым его нарушил Ястребов. После удачного общения с Землей у него явно было приподнятое настроение. И действительно, у каждого из членов экипажа было ощущение, что они находятся не в космосе, а в тренировочной капсуле.

– Ну, как, капитан, будем собираться? И что будем обсуждать?

Человек с черной кожей и могучим телосложением не понял шутки русского, приняв ее за иронию. Он вновь сделался каменным и перевел взгляд от панели управления, не меняясь в лице, на Ястребова.

– Я думаю, что нам надо собираться к послезавтрашнему дню, нужно готовиться морально, – нарушил молчание итальянец.

– Верно, Доминик, – отозвался Ястребов, – и, как психолог, что ты можешь нам посоветовать?

– Увы, Андрей, *io non sono uno psicologo*,³ я культуровед.

– Все же...

Лингвист задумался, скривив губы. Наконец, он сказал:
– Как культуровед, я бы посоветовал не паниковать.

Не вняв ответу итальянца, экипаж не принял его предложение по существу. Астронавты разошлись. Ястребов вышел вслед за Джоанной:

– А вы что думаете, Джу?

За период, проведенный в «цитрусовой банке», как ласково называли между собой «Паларус» пилоты, у Луалазье и Ястребова появились большие симпатии к Джоанн, но девушка к ученым оставалась равнодушна, равно как и к комплиментам Андрея. Ястребов не стремился что-либо изменить в отношении с Джоан. Итальянец в свою очередь иногда грустил, как юнец, бросая кроткий взгляд на Джоан, стараясь, избегнув ее взор во время разговора.

Челнок продолжал от малых оборотов от орбиты планеты Земля увеличивать скорость в своем дальнейшем звездном пути.

Нет более зловещей и холодной пустоты, чем космос. И одинокого странствия межпланетного корабля.

Ястребов думал, что где-то глубоко во Вселенной существуют иные параллельные миры с их тайными входами и выходами, такими разными или, напротив, похожими друг на друга. «Или должен, – размышлял он, – существовать такой туннель, а может, ворота, у одного из таких миров. Войдя в него, можно оказаться за много мегапарсек в отдаленности или очутиться в другом таком туннеле. Но где найти

такие ворота? Вот бы, – мечтал Ястребов, – люди не мучились, пересекали бы космическими кораблями пути от одной планеты к другой, от одной галактики к другой, затратив на перелет всего лишь минуты или час».

Но сейчас ему нужна была не какая-то чужая Вселенная, а только Джоанн.

– Джоанн, – звал он шепотом.

Джоанн, имя, которое не переставало звучать в его голове.

2

Вспоминались другие имена: Виталина, Анна. Но они никак не желали оставаться в его памяти. Только одно: Джоанна Линдау. Ведь она была рядом, за переборками помещений космического корабля.

И только черная бездна космоса, изрешеченная яркими звездами, словно огромный хищник, сопровождая, наблюдал за ними миллиардами глаз. Он будто все знает о нем, о каждом из астронавтов, до мельчайших подробностей знает тайны всех.

Космос велик и холоден, как сердце Линдау. Он ничего не сделает, не скажет. Будет молчать со всеми пятью астронавтами, которые так стремительно пронизывают его. Его величество пространство.

Корабль нес их к другой планете, гордо хранившей от людей свою великую тайну многие тысячелетия. Будет ли она

открыта? Андрей думал только о девушке, и все другое ему было в эту минуту неинтересно.

Потирая небритый подбородок, русский пилот не заметил, как дверь каюты приоткрылась.

– Тук, тук, – послышался голос за его спиной.

– А, это ты, Дон, – он узнал тихий, вкрадчивый голос Луалазые.

Ястребов повернулся.

– Где ты, я тебя не вижу... все в звездах.... Какие странные обои.

Комната с чернотой, сплошь утыканной звездами, сужаясь, продолжала наступать на Ястребова.

– Я говорил тебе. Просто Андрей...

– Она моя...

Андрей пытался отстаивать свое желание, пытался найти в темноте Луалазые, раскидывая по сторонам руки, но уже ничего не видел, нащупывал лишь пустоту.

– ... Марс... это твой дом, Андрей... дом... – отзывалось эхом, – дом some...,⁴ ты его назвал...

Слышался голос Доминика.

Все кончилось внезапно. Андрей не заметил, как оказался в капсуле и, уже теряя высоту, набирал скорость, устремляясь вниз. Звезды смешались в потоке серебряным туннелем, и эта красота была единственной, что отвлекало его от происходящего.

Вошедшая в атмосферу планеты криокапсула была охвачена вдруг пламенем, и, казалось, что миниатюрную космическую лодочку сейчас разнесет в стороны, не оставив ни следа, ни памяти о русском первопроходце. На удивление капсула перед снижением резко затормозила в вакууме, без происшествий опустилась на... огненный шар.

– Это красный карлик, сэр Ястребов, – услышал он голос Янсона.

Внезапно все прекратилось.

Ястребов приоткрыл глаза. Через стекло биокамеры он заметил, что из соседей никого не было. Его индикаторная лампочка погасла, сигнализируя о том, что криокапсула отключена. После того, как Андрей оттолкнул прозрачную крышку, он почувствовал слабость собственного тела. Как рухнул на пол, только тогда ощутил под собой твердую поверхность. Сумев вскоре подняться, Андрей отправился в кают-компанию.

Как он и ожидал, четыре койки были еще заправлены, как месяц назад. Стараясь не думать о слабости, Андрей открыл шкафчик своего отдела в стене, достал новое белье. Передевшись, поспешил в камбуз.

– О, мистер, соизволили, наконец, проснуться? – встретила его на кухне Линдау.

– Что?! – Ястребов еще не совсем очнулся и не мог адаптироваться.

– Ну, я постараюсь специально для русских, – Джоанна говорила на удивление хорошо по-русски, но с легким акцентом. – Ви будете котлет или сосыиска?

– А мне все равно, – Андрей не заметил иронии в словах биолога. – И кофейку бы, а?

Для Ястребова сейчас не было различий ни в половом соотношении, ни в различии выражений интонаций. В нем работали только инстинкты, что работали на выживание и в этом случае. Сработало то, что было ему знакомо: человеческая домашняя пища.

– Мне как раз нужно немного взбодриться, – сказал Ястребов.

Линдау решила помочь молодому человеку. Она вынула контейнера с едой из «багажей» поставила их на разогрев. Ястребов, опершись о край стола, запустив пальцы в шевелюру, молча наблюдал за ее движениями, понемногу приходя в себя. Движения и жесты девушки играли для него большую психологически адаптирующую роль.

Спустя некоторое время Ястребов уже сидел в кресле оператора слежения в командирской рубке.

– Ход сбавлен, через семьдесят минут будут отключены прогановые двигатели, – раздался командирский голос старшего пилота, – через сто минут будем входить в атмосферу Марса. В 16:30 прошу весь экипаж находиться на своих местах.

Линдау и Луалазье после недолгого пребывания в руб-

ке вышли, направляясь в кают-компанию. Джоанна еще раз проверила работу замков. Ее каюта объединяла два отделения. Ту, где она могла отдохнуть, и вторую часть, содержащую все необходимое для работы, медицинского обслуживания и оборудования.

По расчетам для посадки «Паларуса» была выбрана наиболее светлая сторона планеты. Программа отчисляла координаты точно. Зонд «Наутилус» витавшего на орбите Марса, отследил направления прибывавшего корабля, отправленного к планете задолго до его полета. Выполняя функции навигатора, он также удовлетворительно выполнял свои действия, посылая необходимые сигналы. Для посадки по маршруту следования корабля подходил район в равнине Элизия, располагавшийся на северо-востоке планеты, и которое было более ровным местом.

– Так, – говорил все тот же спокойный и ровный голос Янсона, – идем на сближение с поверхностью, господа.

– До посадки осталась ровно тысяча пятьсот метров, тысяча четыреста метров, тысяча триста метров... – его голос не терял равновесия, хотя в других астронавтах преобладало ощущение невероятности в посадке перед чем-то необъяснимым.

Стометровка менялась через каждые полторы минуты и тридцать три миллисекунды.

– Первый пилот, приготовиться к выпуску бак-шасси... пятьсот метров... четыреста метров, – отсчитывал невозму-

тимо Янсон.

– Господа, приготовиться к приземлению, – скомандовал второй пилот.

С боковых сторон межпланетного челнока еще при перелете в пространстве были отделены цинковые чехлы, прикрывавшие бак-шасси предназначенные для безопасного приземления судна. Теперь они тормозили и делали посадку мягкой. Они работали на пропановой основе, плавно опуская корабль на каменистую, а где и песчаную поверхность планеты, которая выдавала оттенок ржавого песка.

На бортовом компьютере отслеживалось все, что происходило с кораблем при посадке. За всем этим следили Ястребов и Волон. Им трудно было осознавать, что за бортом реально существующего челнока действительно раскинута на многие мили безжизненная пустыня. Температура за стеной, напичканной проводками, полифенилом и оцинкованной сталью, в три раза превосходившую земную температуру. Днем здесь полная, до изнеможения, стояла жара, как в духовке, ночью температура достигала -150 градусов мороза по Цельсию.

Ученые с Земли просчитывали кроме пункта приземления также суточные и погодные явления. С учетом вращения средней проходимости планеты по своей орбите нужно было выбрать такое время, чтобы Марс находился в отдалении от Солнца, когда на Земле в это время была весна или осень. В период весны на Марсе пятая планета находится в

ближайшем расстоянии от Земли. Тогда ее можно видеть даже невооруженным глазом. В виде яркого силуэта находящегося неподалеку от северной стороны созвездия Рака.

Графические круги на мониторе бортового компьютера из выстроенных больших геометрических образований сужались, сводясь к центру локатора, одного из видов навигационной системы. Над самым образованием свода колец зависал маленький значок, символическое изображение «Паларуса».

От поверхности и бак-шасси оставалось полтора метра, автоматически сработали регулирующие датчики, и в работу вошли тормозные средства. Чуть приподнявшись, они немного освободили днище судна, дали возможность появиться трем небольшим выступам для опоры корабля.

– Пятый пилот, проверить поверхность для ровного приземления судна, – скомандовал Янсон.

– Есть проверить, – отозвался Волон.

На мониторе перед французским инженером появилась графическая картинка, изобразившая место посадки корабля.

– Поверхность проверена, сэр, крупных предметов сенсорами не обнаружено, – доложил Волон.

– Садимся, – отозвался командир.

Почувствовав легкий толчок, пилоты еще минуты две сохраняли молчание. Сопла остановились.

Все сидели неподвижно на своих местах. Они словно при-

слушивались к своему дыханию, чтобы осознать свою жизнедеятельность, понять, что приземление произошло удачно, и они живы вдалеке от родного дома пролетев миллионы километров.

Первым, кто произнес слова, был Янсон.

– Весь экипаж прошу собраться в столовой «Паларуса».

Сняв наушники и отстегнув ремень безопасности, он первым встал с кресла и направился в дальнюю часть корабля, словно подчеркивая его авторитет, дверь центрального отсека закрылась за ним, соединившись с противоположной стеной, скрыв полуафриканца в коридоре.

Оказавшись снаружи космического транспорта, земляне несколько минут всматривались в пейзажи чужого мира, в частности, поодаль от них это были уступы гор и неровные склоны некогда существовавшего здесь водного русла, куда они примарсовались.

– Так, три часа по полудню, – протянул Янсон.

Он посмотрел на сероватое небо чужой ему планеты и принялся что-то нажимать на рукаве своего скафандра.

– Вот так, теперь у нас полное марсианское время. По горе Мальвуса сейчас шесть часов тридцать восемь минут. Кстати, – повернулся он к остальным, – господа астронавты, время здесь немного больше: двадцать четыре часа и сорок минут, так что, я думаю, командировка у нас получится отнюдь не короткая.

Четвертым человеком на грунтовую поверхность Марса спустился русский астронавт Ястребов.

– Хо-хо, – он сделал попытку подпрыгнуть.

Но то ли тяжесть космического костюма или стабильное притяжение планеты подорвали его желание подпрыгнуть выше. Он приподнялся в расстояние на мизинец и плавно опустился. Тут же забыв о своем опыте, принялся осматривать окружающий пейзаж.

Сделав несколько шагов, его окружала, казалось, бескрайняя пустыня из песка цветом примесью ржавчины. Где-то вдалеке виднелись пики заостренных и полуовальных вершин гор. К западу на горизонте стояло мутное, будто в завесе тумана, яркое солнце. По правую руку едва виднелась, словно в тумане, безжизненная луна планеты Деймос, по левую руку отчетливо виден был более крупный по размерам кусок, когда-то прибившийся притяжением Марса, Фобос.

– Не знаю, как вам, а у меня такое ощущение, что я на другой планете. Чего-то не то... Скажем, вон, вон там, ребята, посмотрите.

Андрей Ястребов указал в сторону верха большой горы с отходящими от нее в ряд двумя горами.

– Там живут какие-нибудь, например, аборигены-поселенцы, но такие же люди, как мы или... – стал серьезней Ястребов, – или не люди и не такие, как мы. А может, там их вообще нет, хе-хе, никого нет дома. А мы ехали, хе-хе.

Сделав несколько шагов вперед, Ястребов продолжал

осматривать вершины.

– Да, ребята, подумать только, – сказал он, – здесь все же, думаю, когда-то было море, и зверюшки-то здесь, наверное, были попричудливее. А? Что скажешь, Янсон?

Русскому астронавту интересно было узнать, что скажет старший член экипажа.

Майкл на миг оторвался от гор.

– Я ничего не думаю, мистер Ястребов, – раздался громогласный голос в динамике наушника, – пока ничего.

И он вновь вернулся рассматривать вершины.

– *Sento come qui realmente, fai questi alieni da un altro mondo,*⁵ – отозвался эхом Доминик.

– Ощутите, здесь почти отсутствует гравитация, – итальянец сквозь пальцы пропускал струю песка.

– Вы правы и не правы, дорогой Доминик, – в наушниках астронавтов послышался голос французского пилота, так редко общительного на судне. Он появился за бортом корабля последним, снарядившись вслед за Линдой.

– Я только удивлюсь тому, что мог бы выжить, если бы сейчас снял скафандр. А гравитации здесь нет. Только если от мягких подошв вам кажется, что вы подпрыгиваете. Заметьте, мсье Доминик, вы все четыре месяца ходили с магнитами на ступнях, а теперь... – Волон развел руками. – Вы снова на поверхности...

⁵ Ощутите себя здесь по-настоящему, вы же настоящие пришельцы из другого мира.

– ...Марса, – заключил Ястребов, невольно подслушав разговор.

Серьезному французу показалась ирония в голосе русского пилота.

– Андрей, заметьте, вы первый из людей, ступивших сюда.

– Окей, ребята. Пора ставить палатку, – Янсон, наконец, перестал вглядываться в горизонт, – надо еще уместить в ней приборы для изучения.

Решительным шагом, как и подобает командиру, он направился обратно к челноку. Приближаясь к трапу, он краем глаза заметил со стороны кабины темные, нелепо разбросанные полоски на обшивке корабля.

– Если так задело при посадке, когда мы летели сквозь атмосферу, так за шесть месяцев нас там разорвет... – подумал он. – Здесь такая разряженная атмосфера... При подъеме корабля нужно будет следить за скоростью, она должна быть значительно меньше...

– Ладно, – успокаивал он сам себя, подняв прозрачное забрало шлема, шествуя по коридору судна, – выкарабкаемся. Главное сейчас: надо наладить связь с Землей с помощью второго спутника.

Негромким голосом он скомандовал остальным, чтобы следовали на мостик.

На поверхности Марса гулял легкий ветерок. Это было заметно по завивавшимся песчинкам, которые оседали на разбросанные кругом камни.

Один из таких камешков Ястребов откинул ногой в сторону. Твердый бесформенный комок, отскакивая, поднял кверху пыль рыжего цвета.

– Феррит, – предположил Ястребов, подумав вслух. – Оксиген. Здесь, может быть, кислорода даже больше, чем мы думаем, или же здесь идут одни кислотные дожди.

Жесткие полотна из легированной стали должны были оберегать весь инструмент, размещенный внутри палатки, от всевозможных ветряных бурь и сильного ветра.

Из установленной неподалеку от корабля первой палатки вышел француз.

– Ви, – протянул он, – мадам и мусье, сейчас к нам нагрянут гости. Наши, так сказать, давно обосновавшиеся здесь жители планеты. Мне удалось установить с ними контакт, – его лицо растянулось в улыбке. Но в тени скафандра ее было незаметно, лишь по тону, голоса ощущалось, что он был доволен своими достижениями в радиотехнике.

Ястребов занес в палатку последние аккумуляторы. После того, как он вышел, заметил, что флаг стал развиваться интенсивнее. Европейское полотно, установленное на почти двухметровом шесте, стало изгибаться чаще, чем до того, как они обустроивали лагерь.

– Андрей, – обратился он к французцу, – ты не проверял, что показывает о погоде спутник?

– Да, конечно, я сразу же посмотрел. Не ожидается никаких осадков. А что, у тебя есть какие-то подозрения?

– Флаг стал быстрее колыхаться, – он указал пальцем на флагшток, – я подумываю, как бы усиление ветра не привело к песчаной буре. Или того хуже. Мы не знаем, есть здесь ураганы, то какой они силы.

– Ха, Андрей, ну это мы можем выяснить, когда они появятся, приятель, – решил приободрить Ястребова француз.

Волон, как бы в знак согласия о незнании тайн неизвестной природы, похлопал русского по плечу. Он хотел утешить коллегу, не как предписывало союзничество между иностранными коалиций, а как своего друга.

Но Ястребов всегда сомневался, что касалось неточных предпосылок в навигации. Он решил, что о своих наблюдениях лучше поговорить с Янсоном.

Он отключил межсообщения от других членов команды.

– Майкл, – старший экипажа находился в камбуз-отсеке, – ты не заметил ничего подозрительного в изменении погоды?

Янсон, воспользовавшись перерывом в работе, доделал котлету. Но и он не обнадежил своим ответом.

– Я знаю о марсианских бурях не больше, чем ты, Андрей. Но если будет очень туго, то я думаю, нам придется переждать ее в корабле. А пока надо будет просто ускорить строительство сооружения.

Русский пилот не был удовлетворен ответом.

– Ясно... – протянул он.

– Андрей!?

Ястребов еще не успел переключиться на общую комму-

никацию между пилотами.

– Да?

– Вы с Волоном все подключили? Я имею в виду из аппаратуры?

– Да, Майкл, все в полном порядке. Все работает и все же...

– Андрей, не думай ни о чем. Если будет что-то серьезное, я позабочусь об этом и предупрежу команду.

– Добро.

Спустя некоторое время Ястребов ел свежий бутерброд. Сделал глоток горячего кофе. Полдник заканчивался. Спокойствие Янсона не успокаивало его. Однако Ястребов был удивлен хладнокровности старшего экипажа. Как раз он должен больше всего беспокоиться.

Они на планете в расстоянии чуть меньше одной астрономической единицы от родной планеты. И если случится беда, помощи ждать неоткуда, кроме как рассчитывать на самих себя.

Там, далеко на Земле, у американца остались двое детей и жена Кассандра, кареглазая негритянка с короткими волосами пепельного цвета. Эту прическу Ястребов почему-то больше всего запомнил. Он узнал о ней в первый и последний раз во время телетрансляции с Землей. Там ждут его возвращения, когда он вернется домой и привезет им мешочек марсианской поверхности, как Янсон обещал своему

младшему сыну Джонатану.

Навигатор находился на кухне один. Снаружи он задержался с работой по установке аппаратуры, и прием пищи пришлось отложить. Ему необходимо было как можно быстрее наладить сенсорную сканирующую поверхность и радиолокационный выход за пределы атмосферы.

Планетолога, после того как Волон, наконец, поймал в поле наблюдения спутник, дрейфующий вокруг планеты, тут же заинтересовала информация, накопленная «древним» зондом. Хотя француз, поразмыслив, поделился с ним своими мыслями о том, решив, что после сведений посланных за полгода до их прибытия на Землю в спутнике, нет ничего нового.

Андрей Ястребов встал из-за стола, закончил полдник, выбросил пластмассовый стаканчик в контейнер с мусором, надел теплоизоляционный костюм. Направился к выходу.

Термоизоляционные костюмы были рассчитаны на максимально низкую температуру, однако пригодны лишь для работы вне космического пространства. Люди выглядели в таких костюмах, скорей, как аквалангисты, в одеянии белого цвета, чем как покорители чужих планет. Теплоизоляционная перчатка позволяла легко работать с клавиатурой оборудования.

Включив микрофон в шлеме на общий прием, Андрей тут же услышал возбужденный голос Доминика:

– Приближается с востока и что-то непонятное. Еще, се-

веро-восточнее...

Янсон и Джоанна показались из палатки.

– Что это, Андре?

Янсон через скафандр пытался разглядеть появившиеся на горизонте точки. Их было две, и они приближались.

– О! Как я и предупреждал, – в наушнике послышался самодовольный голос Волона, – это наши друзья. Тот, что слева, российский марсоход «Гренада», а там его друг, посланный сюда. Если мне не изменяет память, лет пять назад. «Арес два», европейская сборка.

Ястребов, спускаясь с трапа, вновь обеспокоенный поведением ветра, бросил недоброжелательный взгляд на развевающийся флаг. Тот затихал, то вновь как бешеный, колыхался на глазах у первого пилота. Внутри Ястребова таились нехорошие предчувствия. В детских книжках он не раз читал о марсианских бурях. Мчавшихся со страшной силой уносивших в бездну несчастных астронавтов. И только спасенные чудом главные герои фантастических рассказов оставались живы. Но Ястребов знал наверняка, что он не герой, а если кто и останется в этой «катапульте» живым, так это, наверное, как всегда, конечно же, мужчина.

«Ну, пусть будет... – задумался Ястребов, – например, Дон. Ведь она же ему тоже нравится... Нет, он, кажется, так от нее без ума... И она, Джоанна. Останутся вдвоем... и улетят обратно, и все у них будет...»

Группа, наблюдавшая за далью (Янсон, Луалазье и Лин-

дау), не заметила подошедшего к ним русского астронавта.

– А что вы тут делаете, а? – шутливо спросил он.

Какое-то время на него никто не обращал внимания. Ему удалось оторвать взгляды лишь двум наблюдавшим вдаль астронавтам. Янсон продолжал, не шелохнувшись, вглядываться в горизонт, не отрывая прозрачного забрала от приближающихся двух точек.

Он был вторым из облеченных в скафандр людей лишь для того, чтобы вести тотальный контроль над положением. Встроенные датчики костюма позволяли следить за погодой, воздухом, реакцией аппаратуры и местным временем. Луа-лазье облачился в скафандр для работы в космосе, потому что не доверял окружавшей его природе.

Просматривая полученную информацию от прибывших к ним марсоходов, ученые нашли подтверждение давним исследованиям роботов, которые были собраны еще в начале столетия. В 2024 году во всех научных журналах была опубликована статья о нахождении где-то в глубинах «красной» планеты части простейших организмов на глубине около полутора метров от поверхности, которые могли развиваться только в воде. По марсологии им насчитывалось не менее шести, шести с половиной миллионов лет. Ученые подсчитали, что это сравнительно малое время со времен зарождения жизни на Земле и начала ее эволюции.

– Андре, сгруппируйте, пожалуйста, находки с обоих марсоходов. Мы передадим их на Землю с ближайшим выходом.

– Как?! – не понял Волон, – я думал, связь с Землей будет сегодня, необходимые приборы уже настроены.

– Нет, Андре, я решил, что трансляцию мы будем проводить позже, когда для этого будут собраны все материалы. Сколько вам необходимо времени для обработки находок, Джоанна?

Линдау всматривалась, наблюдая за портативным компьютером.

– Ну, – на мониторе один за другим высвечивались полученные сборки роботов, непонятные для простого человека.

Оторвавшись от экрана, она обратилась к командиру:

– Мне надо, примерно, часов восемь. Если ничего нового не будет... – она вздохнула, – необходимо будет провести дополнительные исследования. Я имею в виду перепрограммирование марсоходов и постановку их на новое турне.

– Окей, Джоанна, а мы пока вдвоем поработаем над шатром.

Янсон вышел из палатки. Компьютерная панель для девушки поддавалась на использование легко.

Диск солнца уходил за край планеты. Фобос уже успел скрыться за горизонтом. Луна Деймос, словно маленькая собачонка, следовавшая за своим хозяином, стала центральным светилом.

Картина напоминала пейзаж земного вечера, если не об-

ращать внимания на большие размеры звезды космической системы. Скафандры, и шлемы нельзя было снимать ни при каком желании, такое обстоятельство не позволяло астронавту Луалазье полностью расслабиться.

Горы.

Разбросанные ветрами камни, дневная раскаленная поверхность, пусть чуть странновато бурого цвета, играющий в завитки песок – все это можно увидеть и на своей планете. Так думал Ястребов, глядя вдаль. Он размышлял, о том, что такое творение природы можно увидеть в тех местах «голубой» планеты, где жизнь умерла. Свалки мусора, каменная пересеченная трещинами поверхность высохших морей, рек. «Но почему, почему такое происходит? – удивлялся про себя Ястребов. – Кто виноват во всем этом?»

Залитые весенним паводком почти тридцать с лишним лет назад несколько деревень и поселков в России из-за глобального потепления, нарушили привычный режим поселения. «Вот ведь парадокс: общее горе способствует объединению». Но времени на философствование не было.

Недалеко от разложенной палатки, слегка колыхавшейся от ветра, продолжал вестись монтаж шаровидного шатра, хижины вместимостью на шесть человек. Луалазье закреплял панель будущего помещения. Как будто что-то вспомнив, он сказался Янсону, что ему необходимо посоветоваться с Волоном. Спустя минут пятнадцать, вернувшись, Доминик продолжил сборку. Было видно, что его что-то беспокоит.

– Что с тобой, Дом, – поинтересовался любознательный Ястребов, когда тот вместо газOVERта подал ключ для лазерной пайки.

– Нет, все в порядке. Ну... только просто у меня, кажется, с самого начала, как мы только приземлились, появились галлюцинации...

Итальянец решил не скрывать от русского то, что он чувствует. Тот все равно рано или поздно его расколет, и если узнают о его проблеме, то пусть лучше будут знать сейчас все, нежели потом, когда это станет проблемой всего экипажа, тем более что, как говорил ему Ястребов, тот считает его братом.

– Solo che non sarebbe andato pazzo,⁶ – пробурчал Луалазье.

– Что за глюки, Дом?!

Ястребов спустился к итальянцу, закрепил следующую шедшую поверх другой пенопропиленовую пластину являющейся первым слоем будущей научной лабораторией.

– Миа Мадонна, – по лицу лингвиста в отсвете закатывающего светила было заметно, что он был чем-то взволнован, нежели чем-то расстроен. – Мне только тридцать два года... миа Мадонна, миа Сальаточче...

– А это кто еще?

– Кто? – переспросил итальянец русского астронавта.

– Ну, эта твоя Сальаточче?

Луалазье показала дерзость в шутке русского. Он изме-

⁶ Только бы не сойти с ума.

нился в лице, в скафандре это было едва заметно, оставаясь пренебрежительным по отношению к обидчику. Все же он, не желая терять себя в обществе, понимал, что команда по отношению к нему может принять решение: признать его неработоспособным. К тому же ему нравилась девушка-пилот, а в ее глазах он никак не хотелось увядать. Забыв, что его могут слышать остальные, обращаясь скорей к Ястребову, решил быть честным перед командой.

– Хорошо, я расскажу, – он очень хотел, чтоб ему верили, – как мне показалось, я видел три объекта, где двое из них были роботами.

– Опа, Домини, и ты расстроился по этому поводу? Это же сенсация! Чего же ты раньше молчал, чудак.

Ястребов по-дружески подтолкнул итальянца в плечо. За прозрачным забралом у итальянца, наконец, появилась едва заметная улыбка.

– Андрей, локатор Волона не засек ничего, кроме двух марсоходов.

В этот момент к ним присоединился Янсон, он случайно подслушал их разговор, в рассеянности Луалазье не переключил микрофон.

– Ну да? – изумился Ястребов, считая французского инженера лучшим техником связи.

– Да, – лингвист смутился, – по-видимому, марсианская оболочная пыль все же действует негативно на мое подсознание и создает в моем мозгу фигуры, дубликаты реальных

предметов. E follia.

– Да, Доми, парень! – в Андрее, казалось, не было никакого сочувствия к коллеге.

Однако, в тайне, Ястребов не верил в безумие лингвиста, как и смутила других остальных астронавтов исследователей мнительность Луалазы, но уверенности в видении того не было ни у кого.

– Говорил на...ное тебе твой дедушка, женись, Доминик, пока молодой и еще пользуешься интересом у девчонок?

– Мой дед умер, когда мне еще не исполнилось шестнадцать лет.

Ястребов нахмурил брови, пытаясь понять сказанное итальянцем.

– Андрей, Майкл, это не мои догадки, – продолжал отстаивать себя Луалаза, – об этом говорится в научных теориях Любовского. При возникновении или перед самой марсианской бурей у некоторых людей из числа миссионеров могут возникнуть галлюциногенные симптомы, так как вихревые потоки создают некоторое подобие силуэта и у людей...

– Так, все, Доминик, иди лучше помоги Джу, ты с ней быстрее успокоишься... Впрочем, – оборвал себя Ястребов, – я сам схожу, у меня вдруг появился ряд вопросов к мсье Волону.

Андрей вспомнил одну фразу из старого, некогда шедшего по всему миру фильма. «...Оставайтесь здесь, продолжайте работать, ребята...» – продекламировал он в шутку, не

заметил, как задел камень и, споткнувшись, едва не потерял равновесие. Янсону рассеянность астронавта не понравилась.

– Так, все, после девяти отбой, – сказал он.

Все же он сожалел о том, что не дал по-хорошему передохнуть экипажу после посадки. Почти сразу после приземления Майкл стал отдавать команды по устройству лагеря. Но утешал себя тем, посчитав, что промедление оказалось бы смерти подобно, кто знает, что на планете может произойти в ближайшую минуту.

– Иначе мы тут все не проживем и полтора месяца. Свихнемся, – пробурчал он в переговорное устройство, расположенное почти вплотную к губам.

После того, как Ястребов отделился от их команды, Майкл продолжил накладывать очередной лист пенопропилена другим поверх него из сверхпрочной стали, заканчивая второй слой будущей хижины.

Диск Звезды, прогревая третью планету солнечной системы, зависнув над темной Темзой дождливого Лондона, в это время, размерами с табло Большого Бэна, полностью скрылся за поверхность Марса. Только Деймос светился тускло-серебристым светом, прижимая тень Ястребова, который спешил обратно к Янсону и Луазье. Она извивалась по разбросанным кускам пемзы, по камням и волнистым буграм песчаника казавшегося в темноте ржаво-бурого цвета.

– Я был прав, – астронавт ликовал, – ты, Доминик, не сошел с ума. Это было открытие. Не удивляйся, ты действительно видел неизвестный объект. Это сенсация, ребята, это сенсация! Жизнь на Марсе есть! И... ее не может не быть.

Янсон решил, что на сегодняшний день работу можно было закончить. Увеличив дальность переговорного устройства, потребовал всему экипажу собраться на борту «Паларуса».

Трое уставших астронавтов, двое из них отражая свет от луны Марса на космических комбинезонах, не спеша, возвращались обратно к челноку. Пятый пилот и Джоанна уже были на борту. Географ-планетолог, лингвист и военный бортинженер после завершения работ уже были готовы к открытию Волона.

– Доминик, здесь есть жизнь. Представь себе то, что тебе удалось видеть одному, не является оптическим обманом.

Француз был рад за коллегу. Волнуясь, Волон объявил Луалазье первооткрывателем марсианских жителей, пусть и бесконтактно.

– Понимаешь, Доминик, Майкл ... Когда Андрей пришел ко мне ... – делился Волон.

Люди поспешили к трапу перед ужином. Расположившись за кухонным столом, где личный состав «Паларуса» подводил итоги. Экипаж был полностью доволен проделанной работой. Все высказали свое мнение, но из-за непривычного рабочего места выглядели немного вальяжно, но довольны-

ми своими первыми находками. Так окончился первый рабочий день на Марсе.

– Ну, хорошо, – пробурчал Янсон, – точка на локаторе известна нам всем. Это проявление искусственное и материальное. Каким же образом, – он обвел всех взглядом, внимательно всматриваясь в каждого члена экипажа, словно тот был не только его подчиненным, но и профессионалом, – каким же образом это что-то могло так быстро исчезнуть с поля видимости?!

– Не могу сказать, – Волон развел руками и откинулся на спинку кресла, не желая что-либо доказывать или опровергать.

– Невероятно, но факт, – твердил Ястребов.

Возникла тишина.

Каждый был погружен в свои мысли и был полностью, казалось, поглощен решением какой-то математической задачи. Афроамериканец и северянин, облокотившись о стол, сцепив пальцы рук, глядя в одну невидимую точку над столом, выглядели молящимися. В стуле-кресле в связи с тем, что они находились вне космического пространства, а на поверхности планеты, лингвист мог не пристегиваться ремнями-креплениями к сиденью. На корабле гравитация отсутствовала полностью. Луалазье довольствовался положением скрещения рук, сидел, словно перед телевизором, глядя перед собой в белый эмалированный шкаф.

– Скажите, Андрей, – спросила Линдау, обращаясь к Ястребову.

Она одна стояла на ногах, иногда прогуливаясь по камбузу. Однако почему-то обратилась именно к русскому астронавту. Это вызвало удивление лишь у мавра и француза. Оба каждый связанные из пилотов узами брака давно подмечали в проявлении симпатии к девушке других не женатых астронавтов.

– Как вы думаете, песчаный завиток может отразиться на локаторе? – спросила Линдау.

Но, встретив непонимающие взгляды коллег, пояснила:

– Мм, допустим, множественное слияние песка, щебня и камней могло ли, скажем, принять образования ими какой-либо плотности, скажем, фигуры, при помощи ветра. Может ли это в таком случае отобразиться на дисплее сканера?

– Это песок, – Андрей не колебался, – перекаати-поле. Нет, конечно. Впрочем, что собрано из камней... Да, нет Джоанн, вряд ли. У нас все исправно работает. Спутник направлен не только на обнаружение радиоволн, но и сонарно, то есть на отдельно движимые твердые предметы. Но это то, что предполагалось в одной десятой процента из ста, что по полю Марса будет двигаться нечто, что не создано руками человека.

Ответ убедил Линдау. Вновь воцарилась тишина.

– Значит так, ни у одного из присутствующих здесь нет

больше никаких догадок, – заключил он, —ни домыслов по поводу замеченного Луалазье?

Янсон выждал паузу.

– ...и не научным утверждениям Волона, – стуча костяшками пальцев о стол, закончил он про себя вслух.

– Ну ладно, – словно взбодрившись, Янсон продолжил, – я думаю, что можно разойтись. Всем желаю отдохнуть, и в семь часов завтрашнего дня мы должны продолжить работу. День здесь, как вы знаете, короток, – говорил он, задвигая стул-кушетку.

– Здесь на Марсе, продолжительность рабочих суток составит двадцать три часа. Но потому, как мы начали работать поздно, в дальнейшем рабочий порядок будет таков: подъем в шесть утра и работаем до пятнадцати. Все, пока все. Всем по каютам, спокойного отдыха!

– Джоанн, можно я вас задержу? Ненадолго, – Ястребов остановил девушку.

Удаляясь из камбуза, Луалазье задумался. Он пытался восстановить в голове картинку, увиденную вдали на поверхности Марса, но ничего отчетливого он вообразить не мог, но был спокоен, что не сошел с ума. Доминик не заметил, как Линдау пропустила его вперед.

– Джоанн, – Ястребов сократил перед третьим пилотом расстояние, когда другие члены экипажа вышли из отсека, – я хотел спросить, пусть вопрос не кажется странным, но что

бы вы сказали о... о Луалазье?

Андрей неожиданно для себя сменил тему. На самом деле ему совершенно не было интересно, что думает Линдау об итальянце. Он просто хотел побыть наедине с девушкой. И если не будет робок, то откроется ей в этот момент. Ему хотелось побыть с кем-то, с кем можно быть более откровенным в эти минуты.

Линдау была удивлена.

– Луалазье?! – она не знала, что ответить. – Ну, я думаю, что нам скоро понадобятся его знания.

– И ваши, – Ястребов едва сдерживал свои чувства, как всегда, не решаясь открыться.

– Мои?.. – не понимала она.

– Ну да! – воскликнул он и продолжал. – Вы же психолог, Джоанн, вы должны уметь общаться с людьми, даже с представителями иной цивилизации.

– Андрей... – девушка после недолгого молчания и глядя в его глаза, стала понимать, что он от нее хочет. – Андрей...

Линдау говорила умиляющим голосом и прикоснулась ладонью к его щеке.

– Ведь вы же совсем не знаете меня.

– Что?.. – Андрей понял, что притворяться уже не было смысла. – Вы помолвлены?

Скрывать свои чувства было бессмысленно, но также далее быть откровенным астронавт не желал вопреки всему желанию. Быть отвергнутым – считалось для него худшим из

насмешек, и он желал найти истину, перед тем как сделать признание.

– Я догадываюсь. Но за два года все может измениться, Джоанн. Я был в армии, и после года службы одному моему товарищу пришло послание от его подружки. Там говорилось, что она не может его больше ждать и выходит замуж за другого. Он вроде как был его соседом по парте... в школе...

Джоанна внимательно выслушала Ястребова. Она не знала, как успокоить новоявленного поклонника.

– Послушайте, Андрей, вы меня намного старше.

– И вы хотите этим сказать, что я старик? – не сдавался Ястребов.

– Нет, что вы.

Линдау отчего-то вдруг боялась смотреть прямо в лицо русскому. Но и просто оставить его одного со своими мыслями не решалась, так как понимала, что разговор еще не закончен. Конечно, она могла доложить командиру о домогательствах одного из членов экипажа, такое могло произойти в длительном полете, но, с другой стороны, ей было отчего-то жаль Ястребова, как и Луазье. «Почему только спустя четыре месяца он говорит ей о своих чувствах, почему не сказал раньше? Быть может, это просто минутная слабость?» – гадала Джоанна.

Джоанна Алекс Аттиан Линдау родилась шестого ноября в 2054 году.

Окончила колледж и затем поступила в калифорнийский университет. Для будущей работы в космонавтике ее отправили на фельдшерские курсы в Москву, где она там прожила год. Со многими, с кем училась, сдружилась, и в России у нее осталось много ребят и подруг. Но жениха она выбрала там, где родилась, в Южной Калифорнии. Его имя было Карл. Он предприниматель, и у него свой деловой проект. Руку и сердце он предложил Джоанне буквально за три дня до отлета в космос. Линдау вспомнила тот день, ставший для нее очень памятным.

На календаре 26 марта 2079 года.

На радость астронавтам международного космического полета на отдаленные расстояния, которым выдался курс на Марс, движение полотна межнационального флага, установленного за шесть метров от лагеря, уже не менялось. Со временем Ястребову даже становилось спокойнее, его мысли об урагане не подтвердились. Лишь юго-восточнее в Протоке Кулиса по данным метеозонда, который витал по орбите планеты, что-то, походившее на земные бури, не прекращалось. Однако Ястребову не нравилась местная фауна, все здесь слишком спокойно!

– Вы русский, мсье, вам все кажется подозрительным, – Волон развернулся в кресле рубки, он наблюдал за панелью управления. В наружном костюме ему неудобно это было делать. – Мсье Ястребов, это даже не ландшафты Хаборовона.

Ястребов ухмыльнулся, он знал, что Волон был прав. В горных рельефах невысоких гор, где когда-то был глубоководный водоем, образовалось такое подобие ландшафтов. Благодаря сканированию спутника показания монитора представляли еженедельные явления, похожие на ветряные скопления, появлявшиеся северо-восточнее от них. По всем физическим законам такие воздушные массы должны были полностью овладевать этими выемами. Но, как ни странно, ветра властвовали лишь на верхах этих скал.

Двое ученых переместились в отстроенную хижину. Волону все же пришлось выбраться наружу. Здесь была установлена телелокационная связь небольшой портативной станции. Она предназначалась для наблюдения за показаниями метеорологического спутника, выведенного на орбиту Марса два дня назад.

– Кстати, вы были в Хабаровске, мсье? – спросил Ястребов по пути.

В этот момент общая связь была обходима, и ученые время от времени приглушали связь с другими членами команды, по желанию. При ощущении опасности или также пожеланию включалась общая связь, для того чтобы при работе ученые не отвлекались от дел.

– Ну, – задумался Волон, – да, а что? Я гостил тогда у моего друга Краснова Михаила, может, слышали о таком? Он окончил МГУ. Вы, насколько я помню, тоже там учились?

С помощью француза планировалось тщательное обследо-

дование планеты при помощи более чувствительности датчиков отстроенной станции. Прием сигналов радио и теле-трансляции представлялся возможным теперь с улучшенной чувствительностью, из далеких пределов планеты, в частности связью с Землей. Теперь же, по предпосылкам Волон, прием вещания с их родной планетой не должен был задерживаться более чем на пять-семь минут.

Ястребов недолго думал, откуда француз мог знать о его прошлом. Их первая встреча произошла при зачислении в школу космонавтики. На приемной комиссии Ястребов не обратил на него внимания, но уточнил, что заканчивал Волон. Андрей, наконец, вспомнил французского аспиранта: тот сидел за дальней партией.

– У вас хорошая память, мсье, – отреагировал француз, когда тот поделился своими догадками из воспоминаний.

– Да, – сказал он по-французски, – наверное, поэтому меня и взяли в полет, – пошутил Ястребов.

– Кстати о Хабаровске. Проездом, Михаил в один день взял меня с собой на рыбалку. Знал, что я немного увлекаюсь ареологией, мы решили пообщаться. Обратном когда возвращались, заехали на какое-то место, на... как это он говорил на русском... где лежит много мусора...

– Мусорка.

– Да. Так вот, пейзаж там был точно таким, как здесь, безжизненным. Правда, здесь почище будет.

– Нда, Хабаровск... – без всяких мыслей протянул Ястре-

бов.

В этот момент он хотел покинуть куполообразный шатер, на создание которого ушло в четыре дня. Меньше чем планировалось.

На дисплее визуального компьютера появилось слабое изображение силуэта. Оба астронавта никак не ожидали быстрого соединения с ЦУП. Нужно было доложить командиру. Янсон находился на корабле в рубке пилота. Однако им пришлось остановиться: картинка стала мерцать, и, как только стали появляться звуки, напоминающие отдельные слова, изображение телерадиолокатора стало извиваться рябью.

«...Марс... земляне... слушает... прием!..» – говорил электронный голос из встроенного в панель маленького динамика. Связь внезапно пропала, как и попытки появиться на экране человека. Пробный прием вне корабля оборвался.

Прошло менее часа, как голос появился вновь.

Все пятеро астронавтов после доклада Волона о возможном продолжении приема телетрансляции тут же прилипли к комплексу телерадиотрансляции в рубке, внимательно вслушиваясь в искаженную человеческую речь. Однако неожиданно для всех второй прием прекратился вновь. Но внезапно, спустя секунды, как и пропал, появился на радость всем. Но теперь при возобновлении трансляции на удивление всем нормализовалась не только речь, но и изображение, обретая более отчетливые очертания человека.

– К сожалению, связь не прямая, – говорил один из опе-

раторов центра, который не был знаком ни одному из астронавтов.

– Перейду сразу к директиве. Мы ожидаем от вас полного отчета о проделанной работе за последнее время. Ваш сигнал о посадке был нами принят, и поэтому мы знаем, что с вами все в порядке, – человек на экране улыбнулся.

– Не для формальности, но, – почти перейдя на шепот и приблизив лицо ближе к экрану, коренастый молодой человек со страстью хотел знать, чем занимаются люди, находившиеся сейчас по отдаленную сторону солнечной системы, – расскажите, пожалуйста, подробнее... как оно, как первое впечатление?.. – его кто-то оборвал, он оглянулся.

– Да, хорошо, – ответил кому-то оператор и снова обратился к экипажу, – вас спрашивают, как у вас с погодой, – молодой человек, казалось, врос в экран. У него было хорошее настроение.

– А вот еще сюрприз...

Оператор поднялся с места, и на его место стали усаживать детей, которые терялись перед камерами, нацеленные на них, ожидая, что их отцы могут их видеть.

– Джонни! Малыш! – обрадовался Янсон.

Майкл не ожидал этой встречи. Двенадцатилетний Джонатан Янсон дал первым интервью, признавшись отцу, что очень соскучился и ждет его возвращения даже без сувенира. После недолгого разговора с сыном Янсон выслушал беседу с женой.

– Здравствуй, папа! – на экране появилась девочка и мальчик. Брат был старше сестры.

– Лена! Жульен! – Волон был удивлен, увидев своих детей. Для него это было полной неожиданностью.

Дети на французском языке в течение шести минут, перебивая друг друга, хотели высказать папе, как у них все замечательно. Из-за ограничения времени рассказ велся не долго: в декабре Жульен отлично провел свой день рождения, ему исполнилось семь лет. Дети жаловались на непогоду, в этом году во Франции очень рано ударили морозы. Рассказали, как в Россию их приглашал к себе дядя Филипп, у него родился сын Василий.

Наблюдая за эфиром, Янсон думал лишь об одном, что сказать в ответ сыну. Мысль, что их разделяли миллионы километров, не считалась с тем, что его голос дети могут услышать спустя несколько минут, воодушевляла Майкла и, успокаивала. После того, как телерадиосвязь с детьми была окончена, на экране появился куратор полета старый полковник-космонавт Франсуа Лавье.

– У меня есть еще приветы для Джоанны и от мамы Доминика Луалазье, Андрей Ястребов, прими приветы от Евгения Миссина.

– Теперь о константе вашего рейда. Тринадцатого марта мы получили ваше сообщение о приземлении. Я вас поздравляю. Вы прославились на весь мир, друзья. Вы первые из астронавтов в солнечной системе, кто после Армстронга,

вступил на поверхность другого космического тела. И это планета Марс. Надеюсь, вам это приятно, – в речи угадывалось личностное удовлетворение, – теперь же, друзья, о делах.

– Майкл, вы, как исполняющий обязанности командира, должны организовать поверхностное изучение планеты. Челнок с провиантом и двумя квадроциклами мы запустили через сутки после первой связи с вами, когда убедились, что корабль идет своим маршрутом. Так что воспользуйтесь ими. Грузовая «яхта» движется с большей скоростью, чем с людьми, и должна прибыть к началу или середине вашего исследования. Там также есть новые навигационные и ландшафтные карты с ареофизическими данными некоторых частей планеты. Все смонтированы из последних данных и в короткое время. Они подготовлены для вас. С нетерпением ждем ваших очередных сеансов. До связи. Земля.

Экран погас.

Для отчета на Землю времени ушло не много: в первую очередь, это был доклад о проведенных работах, распределении команды по своим направлениям. Янсон вложил в послание фото и видеоснимки, сделанные им и Луалазье. Вторая часть, которая непосредственно пошла бы на экраны телевизоров на Земле, представляла рассказ о том, как выглядит планета, впечатления астронавтов, их первые ощущения. Подытожили свое послание астронавты благодарностью ЦУП за предоставление возможности увидеть своих родных

и близких.

– Пусть Вивьен не останавливается, – шутя, подытожил Волон, – мне нужен еще один племянник или племянница. Целую всю мою семью, до скорой встречи. Пока.

Запись была окончена. Через несколько минут, после небольшого редактирования на телеэкраны землян, экстренными новостями, будут показаны приветствия астронавтов.

В рубке сохранялась тишина. Не проронив ни звука, люди продолжали заниматься своей работой. Все были заняты мыслями о своем доме родных и близких. Волон и Ястребов вернулись в шатер. Спустя рабочее время вся команда собралась на камбузе. Рабочий день командир экипажа решил сократить на один час. Он как никто чувствовал осадок команды после общения с Землей. Ему также было трудно сосредоточиться на работе. Хотя он не переживал за русского и итальянца, команда о сокращении рабочих суток касалась всех.

На следующий день, проснувшись, каждый делал специальную зарядку, выложенную медработниками по специальной схеме для работ, связанных с пространственностью.

После завтрака первым прервал затянувшееся часовое молчание французский астронавт.

– Пойду, – сказал он, – проверю антенны, может что засекли.

Он надел шлем. Направился к выходному шлюзу.

Обычно из корабля люди выходили все, иногда одного из экипажа оставляя на борту. Джоанн и Янсон остались на кухне. Луалазье с Ястребовым направились на вахту в рубку. Вскоре Линдау убрал за собой маленький контейнер с некогда там овсяной кашей и теперь пустым стаканчиком из-под сока, вернулась к своим биологическим исследованиям.

– Мама Дольче, *quindi, voglio tornare a casa*,⁷ – протянул Луалазье.

– Что говоришь, Дом?

– Я говорю, что что-то вдруг взгрустнулось, сэр Андрей, – уточнил итальянец.

Два астронавта, занимавшие места за аппаратурой в главной кабине корабля, выглядели как два заступивших на пост охранника, нежели ученые.

Сидеть и ждать. Единственным развлечением для них оставался разговор ни о чем.

– И не говори. Сейчас бы с удовольствием поработать на стройке. Как раньше дома, знаешь, делали из кирпичей, знаком с таким производством? А, впрочем, где-то наверняка так еще делают. Это называется «кладка кирпича», слышал? Я раньше увлекался «Моим домом», есть такой журнал, правда с июля шестидесятых годов он исчез из продажи. Поработал бы грузчиком в магазине, я ведь, Доминик, – на лице Андрея появилась скромная улыбка, – раньше подрабатывал, когда учился в техникуме связи. Копил деньги.

– Siete stati poveri?⁸ Не хватало на жизнь, мой русский друг? – спросил, улыбаясь, итальянец.

– Хотел жениться...

– Хотел жениться... – переспросил его Луалазье, – и сколько тебе тогда было?

– Восемнадцать. Но я думал, что все впереди. Выучусь, думал, стану работать. Эх,

мечты... – Ястребов откинулся на спинку кресла, закинул за голову руки, задумался на миг, казалось, забыв о работе.

– Эх, хей, Доминик. Все же одного я лишился... Но осталось кое-что, иначе бы я здесь не оказался.

– Мм, а ты, кстати, с русской литературой часом не знаком? – спросил Ястребов, немного помолчав, так как вновь воцарившееся молчание заставило русского астронавта понять, что развлечений на корабле явно не хватает, – ты же искусствовед?

– Я лингвист. Но вместе с изучением европейской культуры нам преподавали и литературу. Байрон, Лейбниц, из русских Медведев, Акунин, Пушкин. Но меня больше интересовала философия Ницше, из постсороковых философов Ломбодин, знаете таких?

– Было дело, но о Ницше, он, я считаю, был, пардон, мудила. О последнем слышал, но не читал.

– Ну а?... – вопрос итальянца стоял о немецком мыслителе.

– Как тебе объяснить. Я считаю, надо быть нетрезвым что-

бы... или с глубоким похмельем для всего этого... Да ладно, не бери в голову, Дом. Вот послушай, синьор, хорошие стихи. Лирика Акеева, поэта двадцатых годов, – он пожал плечом, – мне нравится:

«Никто не вправе отнимать,
Что найдено тобою.
Никто не вправе пресекать,
Что наделено судьбою.
Никто не вправе и не знать,
Как скоро ли бегут песочные часы.
Мы сделаны из множества песчинок,
Чтоб вслушиваться
В бескрайность мира тишины».

Ястребов заметил, что Луалазье не понял смысл стихотворения. Он пояснил итальянцу:

– Поэт имел в виду Вселенную. Маленькие песчинки в огромной Вселенной – это судьбы людей, затерянные где-то далеко в других мирах. Видимо, на других планетах людей-астронавтов вроде нас, делающих свою работу далеко за пределами Земли. Песчинки эти жаждут найти свой маленький уголок, тело. Мы же с тобой и с другими хотим скорей вернуться с этой ржавой планеты домой, к родным...

Ястребов задумчиво прикоснулся пальцем к краю панели:
– Мы ищем, мы ищем потерянный рай...

Внезапно он услышал щелчок в наушнике, из динамика донесся громкий голос Янсона:

– ...оно проявилась на локаторе, Доминик, твоя точка, – слышался радостный и в то же время напряженный голос командира, – она вновь появилась и приближается... к нам...

– Хм, что же это может быть? – задал вопрос Волон скорее самому себе. – Может, это...

Янсон находился рядом с ним, оставив Джоанну в своей лаборатории.

– Может, это один из «Викингов», – поддержал его Ястребов, также наблюдая за передвижением светлой точки на локаторе, – я слышал, что с одним из них прервалась связь в семидесятые годы прошлого века.

– На приближение челнока объект явно не смахивает, – звучал в наушниках голос Янсона, – тот бы казался неподвижным.

По пути следования по отдельным частям коридоров корабля он проверял синхронизацию аппаратуры, закончив осмотр, присоединился к Волону.

– Андрей, попробуй установить с ним связь, – сказал Янсон, обратившись к русскому.

В рубке было расположено дополнительное управление слежения за движением спутников и их передвижением над поверхностью Марса.

– И, если сможешь, определи его размеры.

Волон продолжал выжимать кнопки по клавиатуре, не до-

верявший облегченному костюму, он все же вылез из космического скафандра. Через минуту смонтированные компьютером данные орбитального зонда показали графическое изображение. Это было нечто похожее на транспорт, но никак, однако не совпадающее с челноком провианта, который должен был прибыть с часу на час.

3

Волны Красного моря разбивались о бесформенные валуны и бетонный каркас то ли бывшего здесь причала, то ли запланированного некогда места под строительство очередного гостиничного здания, которых было немало в Хургаде. Ястребов выплюнул попавшую в рот соленую воду и снова погрузил лицо в море, чтобы в который раз понаблюдать за морским ежом, трапезничавшим мелкими моллюсками возле каменного ограждения.

Погода была замечательная: грело солнце, температура была не менее двадцати восьми градусов, в апреле здесь это оптимальная температура. Ястребов вышел на берег, покрытый крупнозернистым песком, зацепил ладонью одну из дрейфующих у самого берега медуз фиолетового цвета, откинул ее в сторону. Ожидая, пока обсохнет кожа, стал наблюдать за движением яхт и огромных белых лайнеров. Ястребов побродил возле берега и заинтересовался вещью. На округлых валунах, скрытых под водой, едва угадывались

окаменелые моллюски неизвестного вида. Это были затвердевшие небольшие членистоногие, вросшие со временем в камень. Здесь также были ползающие маленькие ракушки, крохотные крабы. Ястребов поискал взглядом самый цельный коралл. Достал из воды. Тщательно осмотрел обломок, пытаясь представить, сколько же ему могло быть лет. Сотни, тысячи лет? Гадал он.

Перед тем, как попасть в Египет, Ястребов даже не задумывался о том, что он может вообще куда-то далеко собраться. Ведь еще, по истечении каких-нибудь двух дней, с самого начала отпуска он мог ехать к своей подруге Лине, но поездка оборвалась. Лина Сереброва, как ему сказали, вышла замуж пять дней назад за одного из предпринимателей. Андрей об этом ничего не знал. Девушка, с которой в ранней юности они ходили вместе в кино, на танцы, появилась в его жизни семь лет назад. Они расстались на три недели, еще недавно, а как оказалось – навсегда. Андрей не мог представить себе, что он вновь остался один. Теперь, вслушиваясь в шум прибоя, забывая о прошлом, смотрел вдаль. Где-то там, казалось, был край Земли.

Ястребов еще раз взглянул на песок, отчего-то вспомнились Красные Горы в Фивах, разрушенную пирамиду в Гизе. Про себя он решил, что ни за что не будет поддаваться грусти. Не будет задумываться о своем прошлом... «А ведь этим структурам... – резко сменил мысли Андрей, старался отвлечься, – многие тысячи лет». Вспоминал он о статуях

и строениях царя Хеопса... И не какие-то там пять дней... Сменилось не одно поколение людей, и еще простоят столько же. Эпоха за эпохой, цивилизации и религии – все это ничто для песка.

Нет, никак не могло пройти то, что терзало его. Еще месяц назад, в те времена юности, можно было все изменить, созвониться, вырваться к ней. Но он старался забыть ее нежный смех, густые брови, как он ловил взгляд карих глаз на себе.

Шел последний школьный год. Лина обычно сидела за третьей партой, вслушиваясь в слова преподавателя, не обращая никакого внимания на Ястребова. Отчего-то тогда Андрею казалось, что он ей все же не безразличен. От этого было легко и одновременно тяжело. Мысль о том, что они никогда не будут вместе, уже веяла тогда, словно призрак, при каждой их встрече. Хотелось бежать от этого наваждения. Размахнувшись, не думая, не сожалея, без каких-либо причин выкинув вперед руку, разжав кулак...

Ястребов пустил вдаль моря окаменелый обломок коралла.

На поясе завибрировал телефон, Ястребов не пользовался имплантатами, считая добрый мобильник удобным для хранения музыки. Сдвинув рычажок, он услышал голос Миссины. Это его обрадовало. Как оказалось, по указанию центра Ястребов должен был в короткий срок вернуться на Родину.

Еще раз посмотрел вперед. По водной трассе продолжали

шнырять, как игрушки, прогулочные катера, занимаясь извозом туристов.

Андрей не заметил у края платформы появившегося рыбака. Он знал: арабы не едят рыбу, считая ее за грязным существом, как и черепах. Видимо, он занимался этим ради развлечения. Рядом с отцом находился его сынок, который убегал от огромных разбивающихся волн. Стало веселее, забылось напряжение и скука. Воодушевленный тем, что его ждут, через двое суток вылетел первым же чартером.

Ястребов проснулся от пиликанья над кушеткой электронных часов. Прислушался. Янсон первым спустился с кровати, собираясь одеться.

– Через пятнадцать минут экипаж прошу собраться в «фире», – сказал Майкл.

Это новомодное слово шло от сокращения слова «кухня» от английского языка, каким-то образом закрепившееся в жаргоне экипажа. В отсеке для приема пищи астронавты проводили много времени, обсуждая итоги рабочего дня.

Собираясь позавтракать, они не могли подозревать, что в тридцати метрах от лагеря пропарил какой-то объект, бросив неровную тень в виде сигары на куполообразную палатку.

В девять утра по земному времени весь экипаж находился в столовой.

Янсон попросил всех членов экипажа собраться в мужской части отсека, по совмещению в спальне.

Находясь в кубрике, Майкл подошел к стене, где кре-

пились ярусы кроватей. Из-за расположения двухъярусного комплекса лежанок у француза зарождалась некая апатия к итальянцу. После отбоя Волону приходилось каждый раз, ложась спать, вскарабкиваться вверх Луалазье. Это было поднадоевшим занятием, лишний раз не хотелось вспоминать о коечных местах.

Янсон сдвинул панель, плоской ручкой схожей для стока воды, поднял ее вверх. Перед ними предстала карта.

– В этой части находимся мы, – он указал пальцем, прикоснувшись к изображению на плазменном экране в стене.

На одной из круглых сфер физической карты Марса указанное место стало увеличиваться в размерах.

– Ого! – удивилась Линдау.

– Здорово, – решил поддержать девушку Ястребов, желая в который раз показаться перед ней.

Открывая для себя что-то новое в спальном комплексе «Паларуса», у Волон не было никакого интереса шутить.

– Я вижу, у нас есть все тактические приспособления, – сыронизировал Волон, – у меня вот предложение.

Все же, собравшись, француз продолжил:

– Просканируем эту планету, пройдем, дюйм за дюймом, сделаем ее сейсмографию и спокойно, потом будем сидеть, поплеывая в потолок.

– Я вижу, у вас романтическое настроение, мсье Волон? – Янсон почувствовал критику со стороны бортового инженера.

– Да нет, – Волон скрестил руки, стараясь спрятать внезапно одолевший его приступ истерии, пока, как ему казалось, никто не заметил его изменившееся поведение, – *ompe nimum poset...* – сказал он, стараясь оставаться хладнокровным.

Француз понимал, что сказал лишнее. Ведь психологический сбой одного пилота может повлиять на весь экипаж. Никто не решился что-либо сказать в ответ Волону, посчитав сейчас это неуместным перед коллегой.

Янсон коснулся пальцем второго круга топографической карты.

В этот момент на орбите Марса в 150 градусах по уровню к его орбите ожил спутник «*Voueur 90*», второй зонд с космическим радаром, который заблаговременно прибыл до появления землян. На радость Янсону и всей группе трехлетний «шпион» был в рабочем состоянии.

– Впадина Маринера, – сказал он, – все тот знаменитый каньон.

Прямоугольный экран показывал марсианский пейзаж, отдающий слегка буро-рыжим оттенком. Огромное углубление от некогда упавшего метеорита. Это место занимало половину неровной окружности и полуразрушенных скальных останков. При каждом пошаговом увеличении местности тень заметно становилась еще более темной в виде сигары, прятавшаяся у порога в темной стороне углубления, выделяясь на краях впадины.

– Хм. Однако мы на планете не одни, – сказал задумчиво Луалазе.

Янсон заметил еще одну картину. Еще никогда лица экипажа не были так серьезны.

– Эка... – присвистнул Ястребов, – и что же вы, капитан, скрывали от нас такое географическое чудо?

Русский не мог оторвать взгляд от темноватой фигуры, выделявшейся в тени, как затаившийся организм под микроскопом. Он не знал о карте.

– Мне самому не было ничего известно. Данные Войера я решил проверить случайно вчера, после ужина.

Янсон на удивление команды стал разговорчивым. Можно было бы предположить, что он весьма компанейский парень, не будь у него регалий отличий и должностной ответственности. В течение двух лет ему надлежало отвечать не только за весь корабль, но и за вверенных ему пять человеческих жизней.

Русский, Линдау и Волон посмотрели на руководителя.

– Может, вам покажется странным то, что у меня внезапно проснулось желание, – Янсон пожал плечами, – просто я решил просмотреть наши спутники и эту географическую карту.

– Она была дополнена уже после установки коллектора управления и предусматривалась в использовании как при чрезвычайном моменте, вы, наверное, поняли, о чем идет речь? – дополнил командир.

– И что вы предлагаете, старший лейтенант, что это может быть? – задал вопрос после недолгой паузы Луалазье, спрашивая, скорее, себя, чем Майкла.

Потирая короткую козлиную бородку, он пристально всматривался в экран или переводил взгляд на командира. Ему не было даже дела до вопроса, для чего в каюте было, как оказалось, вмонтировано табло дистанционного визолатора, до сих пор считавшееся им дежурным информационным монитором, показывавшим порядок управления всем кораблем, в случае нарушения работы аппаратуры в командном отсеке.

Очертания фигуры, будто намеренно скрывались, укрывшись между закатом солнца и тенью впадины, четко выделяя ее грани.

– А послушай, Майкл, – Ястребов словно прилип к экрану, – как, думаешь, можно узнать, что это может быть?

– Ну, сэр Ястребов, это, собственно, и является вашей основной задачей, – сказал Майкл.

Ястребов посмотрел на Янсона.

– А что, сэр, – Андрея передернуло.

В обязанности Ястребова, как он считал, не входило указание на какое-либо обследование местных проявлений, кроме как исследований местных поверхностных достопримечательностей, ландшафтов, и уж тем более не было никакой речи о вступлении с местным индивидуумом в какой-либо непосредственный контакт. Но планетолог сдержался, к

тому же собственный интерес овладел им больше.

– Как я понимаю, вторым?.. – в него закралось сомнение.

Ведь обязанности каждого астронавта являются обычным выполнением своих функций. На минуту создалось впечатление, что полет является не просто межпланетной командировкой.

– Вторым приказом... Я думаю, вы догадались, Андрей, – сказал Янсон скорее сочувственно, чем душевно, так как понимал, что встреча с неизвестным может оказаться губительным для человека.

Майкл Янсон – мужчина тридцати шести лет. На два года старшего русского астронавта. Еще лет десять назад он руководил небольшим отрядом урегулирования революционных сил в Пакистане. И однажды весной, 24 апреля, проникнув в одну из деревень, расположенную на краю централитета, их отряд попал в засаду.

В тот день на дороге им повстречался ребенок, который выглядел вполне мирно. Он сжимал мягкую игрушку, подаренную представителем российского правительства, это традиционный Чебурашка с большими ушами. Большие глаза мальчика были невинными и вызывали умиление. Но Янсон, помня о безопасности в первую очередь, не забывал и об ответственности за вверенных ему людей. Взяв двух людей из отряда, остальным он приказал остаться с мальчиком и выяснить, находятся ли здесь еще люди. Песок с пылью клуби-

лись по безлюдной местности, гонимые слабым ветром закидывая их между беззвучных одноэтажных хижин. Янсону пришлось поморгать глазами, чтобы прочистить глаза от пыли.

– Крейсон! – окрикнул он сержанта.

– Да, сэр!

– Вы останетесь с мальчиком и попытайтесь разузнать, где могут находиться его родители. А я возьму Йохансона и Гранда, мы пройдемся вокруг домов, думаю, здесь нет опасности и нет необходимости вести весь отряд. Иначе бы они всех нас давно поцокали. Пусть остальные немного отдохнут. Держите со мной постоянную связь.

– Да, сэр.

– Сержант, мы как на ладони, советую тоже отойти в сторону, – посоветовал бывалый Янсон.

– Есть сэр! – отрапортовал Крейсон, хотя в последних словах Янсон выразил обычный человеческий совет. Тот двадцатилетний парень навсегда остался в памяти Янсона.

Деревня казалась вымершей, опустошенной временем. Лишь где-то вдали, раздавался негромкий лай собак, отдаваясь эхом о бетонные стены хибар. Иногда, пропадая в проемы между домов, заунывно дул ветер.

Янсон едва успел занести ноги в одну из хижин. Она стояла неподалеку от оставшихся позади его людей, их лагеря. В ней единственной была открыта дверь, как позади них раздался оглушительный взрыв. «Колядка...» – пронес-

лось в голове Янсона. Разрывной пакет. Так окрестили русские солдаты разновидность партизанских и террористических взрывчаток. Янсон знал о таких видах, когда в молодости проходил учения в Ярославле.

Как только Янсон покинул шлюзовой отсек, спустившись на поверхность планеты, в этот же момент в микрофоне шлема он услышал шипящий раздосадованный голос Волона.

– Можете не торопиться, сэр, объект исчез, – сказал француз.

Дверь шлюза закрылась.

– Продолжайте вести наблюдение, я уже вышел, – отпарировал Янсон.

Командир экипажа стоял неподвижно, всматриваясь вдаль. С правой стороны на смену Ужасу пришел маленький Страх, осветив часть равнинных барханов. Но часть пиковых вершин представлявшие минивулканы или горные хребты землянам не было это известно, отдавали большими тенями при одной, нежели при другой луне. Янсон никогда не был при такой картине навевающий пустоту, и для сравнения ему нечего было вспомнить.

Наблюдаемый пейзаж дополнялся плеядой становившимися уже заметными миллиардами звезд, совершенно не схожий с ночным небом, наблюдаемым с Земли.

Майклу ни в чем не угадывалось, что он на Земле, но ощущение скованности в костюме, в котором он находился,

словно в коконе, давало предположение об учебной вылазке. Далее все напоминало о космосе. Идти до палатки не было смысла. После рабочего дня в наступившей ночи изучать было нечего. Все же Янсон надеялся услышать в наушнике утвердительный голос Волона.

«Находясь в инопланетной структуре, имеется гораздо больше шансов встречи иного разума», – думал Янсон. Он решил задержаться «на улице», готовясь ринуться к аппарату слежения при любом сигнале бортового инженера. Посмотрев на вмонтированный в рукав прибор, показывающий время, температуру в минус сто тридцать четыре градуса по Цельсию и градусы меридиана с вычислениями равного широтам Марса. В который раз он одобрил нанотехнологию Евросоюза, но забраковал за неудобство в использовании видеобинокля, он не был предусмотрен для ночного видения.

Майкл находился в тридцати метрах от челнока. Впереди не было ничего, пустота, щебневый песок, сгустки коричневой пыли навеянными дневными ветрами, руины гор.

Поразмыслив, Янсон направился в сторону куполообразного сооружения. Внутри осталась еще недоделанная работа. Рядом располагался парник, в котором были посажены неделю назад семена, адаптированный наиболее удачный урожай пошел бы в пищу команде. Это укроп, сельдерей, томат, подорожник и некоторые виды ягод. Температура внутри парника на электронном термометре показывала температуру двадцать градусов по Цельсию. Кислород также был

стабилизирован, а давление доходило до двадцати атмосфер. Можно было снять шлем, расслабиться и подышать свежим чистым воздухом.

Оказавшись внутри контрольного входа перед входом в сам парник, дождавшись, пока кислородный уровень придет в норму, Янсон отстегнул шлем. Внезапно за дверью, внутри рассадника, до ученого донесся глухой взрыв, и, не успев еще понять, в чем дело, Янсон почувствовал тепловую волну, которая прижала его к стене у двери.

Из-за легкости постройка разлетелась в стороны, и Янсон, оказавшись снаружи, почувствовал дикую нарастающую боль быстро обмерзавшего лица. Единственное, о чем он успел подумать, точнее, вспомнить, что температура ночью здесь очень серьезная. Собрав силу воли и не желая сдаваться чужой стихии, Майкл с огромным усилием заставил надеть на себя шлем. Пар и наступившая теплота разбудили застывшую кровь. Теплым потоком она побежала по венам, мозг заработал. Янсон потерял сознание.

Табло циферблата на рукаве второго пилота высвечивало 23:32.

В 2031 году числовой ход времени в европейском конгрессе считался официальным цифровым номиналом дня и ночи в зависимости от континента, по всей Европе, но огромным деферентом при действующей на него иной формы гравитации. В это время на Земле при наблюдении за состоянием

космического корабля стоял полдень.

Ястребова заволновало отсутствие Янсона.

– Ну как? – спросил он Волона, когда тот появился на камбузе.

– Никак, – тот достал стаканчик кофе из нерегулярного запаса, – никаких продвижений, как сквозь землю... точнее сказать, сквозь Марс, – поправил себя Волон, заметив обеспокоенную ухмылку на лице Ястребова.

– Ладно, – Ястребов стукнул ладонями по столу, – ты, Андрей, посиди пока тут, отдохни, а я Янсона, – он встал из-за стола, – пока попроведаю!

Оказавшись в проеме кухни, он заметил, как на конце коридора Линдау, покинув рубку, шла, направляясь к своей каюте не обратив внимания на появление Ястребова.

– Джу, – остановил он ее.

Лицо Джоанн не выражало желаний говорить. Она была серьезна, как всегда. В постоянном потоке работы ее трудно было развести на фривольный разговор. Но Андрей заранее знал, как заставить ее обратить на себя внимание.

– Что ты думаешь по поводу сигариллы? – стараясь быть серьезным, спросил Ястребов о тени неизвестного объекта во впадине.

– Мое мнение? – удивленно спросила она, развернувшись.

– Да.

– Я считаю, пока не стоит думать о том, чего не знаешь, – Джоанн, казалось, раскрыла замысел коллеги.

– Но это же было. Ты сама это видела?!

Не останавливался Ястребов, интригуя девушку, а сам хотел уже признаться, сказать, что как, казалось ему, разрушило бы их немой разговор: «Ты мне сегодня снилась, Джоанн...» – готовилось в его голове.

– Видела. Но что это? Тень объекта? Местный мираж? Андрей... – «Ого, пошла официальная тема...», – мы доверяем только приборам или нашей технике, а они не дали нам никаких основных подтверждений, кроме как того, что жизнь на Марсе была и возможно есть.

– Но что можно сказать о настоящей жизни?

Ястребов с трудом находил нужные слова, для того чтобы задержать ее.

– Настоящее, то, Андрей Эдуардович, что мы вот так просто не можем выйти наружу, иначе нас всех ожидает гибель.

Острое заключение коллеги отбило у Ястребова желание для новых вопросов. Русский пилот ничего не ответил, и девушка пожелала ему спокойной ночи. Она скрылась за раздвинутой дверью, оставив молодого человека в одиночестве.

Солнце до того, как полностью скрылось за горизонт, открыв бесформенный лик луны, так и не показав его в облаках пыли. Сейчас круг Деймоса при наступлении полной ночи возвеличился над безжизненным пространством «бурой» пустыни, короновав себя, наконец, над планетой. 3 апреля здесь считается самым коротким днем.

Осадки пыли и песка почти полностью скрыли тело Янсона. Майкл лежал неподвижно. Прошло около двадцати пяти минут, после того как он покинул корабль.

– Юнкер, не спать! – крикнул Ястребов, появившись на пороге рубки. Доминик Луалазье сладко посапывал в кресле оператора второго помощника капитана. Русский решил пошутить над итальянцем, застав того в нарушающем дисциплину состоянии дежурного по рубке.

– Черт... – внезапно Ястребов подскочил к локатору сейсмографа.

– Что, что случилось?! – Луалазье, вскочил на кресле.

– Объявляй тревогу! Дом, готовь шлюзовую камеру, я буду выходить наружу... – Ястребов реагировал моментально.

– Что случилось, Андрей?! – вскочил за русским Луалазье, готовым покинуть вслед за ним пост.

Ястребов остановился на пороге, повернулся, не дав опрометчивости пуститься вслед за Янсоном. Он, пристально посмотрел на итальянца, поразмыслив. Самоуспокоение ему давалось с трудом. Вновь овладев собой, он вернулся в рубку, по-дружески похлопал коллегу по плечу, указав на экран.

– Красный сигнал, – указал он на горевший маленький кружочек на краю панели локатора, – означает бурю высшей степени.

Луалазье, выполняя деятельность оператора связи, принялся лихорадочно трепать префингеры.

– Янсон, Янсон, вызывает «Полярис». Янсон, ты меня

слышишь? Майкл... прием...

Ответа не следовало.

Ястребов не мог больше задерживаться ни одной минуты. Он не мог оставаться в рубке. Луалазье не давал Ястребову никакой надежды. В динамике были слышимы только шорох и треск. Янсон молчал.

Спустя некоторое время. В полутьме. На фоне скоплений миллиарда звезд и ночной пустыни два человека, ухватив тело Янсона, тащили к люку межпланетного корабля.

Аппарата для поддержания жизнеобеспечения астронавтов для таких случаев не предусматривался, поэтому командира разместили на больничной кушетке в каюте изолирования. Она располагалась в районе лаборатории Линдау. Биолог выполняла функции фельдшера. Она дала Янсону несколько таблеток и следила за его состоянием как могла.

В помещение вошли остальные члены экипажа.

– Он жив, ему нужен покой, – сказала Джоанна.

В ее взгляде угадывалось беспокойство.

– У него высокое давление. Я сделала ему укол. Думаю, ему станет легче. У него тепловой шок, поэтому ему нужен отдых.

– Он будет жить?

Голос Волона был взволнованным, Джоанна посмотрела на него, потом посмотрела на остальных. Ее глаза казались очень печальными. Она вновь повернулась к пострадавшие-

му.

– Не знаю, – сказала она едва слышимым голосом, – ему должно повезти, так как он успел включить шлем, и атрофиоз мозговых клеток прошел неокончательно.

– Ну, хорошо. Ну, в общем, я думаю так. Нам надо обратиться на кухне и подумать, что делать дальше, – произнес Ястребов.

Оставшись в столовой, Ястребов не заметил, как заснул.

Проснувшись, он провел ладонью по лицу, морщась от яркого света лампы. Он был один, как и ожидал, на камбузе никого не было, все давно ушли спать. Ястребов вспомнил, что уже после отбоя он вновь посетил лежащего без сознания Янсона и зашел на кухню, чтобы что-нибудь выпить. Сев за стол, он задумался над чередой прошедших дней. Прикрыв глаза, быстро уснул. Ему снился сон, ничем не отличающийся от остальных.

Розовый туман с витающим в нем мелкозернистым песком, движущиеся горы, раздвоение Солнца, жонглирование Ястребовым миниатюрными лунами Марса.

Сон был внезапно прерван. На этот раз Ястребов не узнал, куда он толчком ноги закинул Деймос, вместо привычного для него футбольного мяча.

Осознав то, что он еще не в постели, Ястребов машинально посмотрел на циферблат. Часы показывали 01:14. Поднявшись из-за стола, он попытался вспомнить, что могло прервать его сон. Но тут же, стараясь забыть о неприятности,

направился к выходу.

На удивление перед ним автоматически дверь не открылась. Когда он, занеся кулак над створкой, Ястребов внезапно почувствовал толчок, корабль слегка шатнуло. Андрей принялся колотить в дверь. С третьим ударом дверь все же подчинилась астронавту, и Ястребов, не дожидаясь, пока панель до конца войдет в стену, напрягшись, помогая автоматике, выскочил из камбуза. Быстрым осторожным шагом он направился в лабораторию. Там находились интересующие его в эту минуту люди: старший лейтенант Янсон.

– Что случилось, Андрей? – рядом с ним была Линдау.

Затем в проеме комнаты появилось удивленное лицо Доминика Луалазье. Он, по-видимому, торопился, что не успел по-хорошему завязать шнуры магнитных бот.

После отбоя для стабилизации углекислой активации, гравитация понижалась до сороковой доли процента.

Быстрое появление итальянца для Ястребова было неожиданным. Он, рассмотрев его, посчитал, что на объяснение нет времени.

Отсек Джоанны была недалеко и, в момент, когда Ястребов подошел, подплыв, створки, без труда впустили его внутрь.

– Джу! – крикнул он.

Но, не дожидаясь ее ответа, Ястребов, обернулся к шторке, за которой находился Янсон. Положение тела Янсона было без изменений. Лицо человека выдавало спящего, хотя

его дыхание полностью зависело от поддержки искусственной вентиляции.

– Что произошло?

– Что случилось? – в каюте появился Луалазье.

Все ждали ответа от Ястребова. Ястребов не знал, что ответить людям. Здесь лежал неживой бездыханный Янсон. Остальные же казались наивными детьми, ожидая, когда учитель даст точный ответ. Но в их глазах непонимание обретало страх и некую потерянность оттого, что учитель и сам не знал ответ на заданную кем-то задачу.

Однако ждать пояснений пришлось недолго. Очередной толчок корабля оказался для группы таким же неожиданным, как и для Ястребова, в то время, когда он заснул на камбузе.

– Марсо-трясение... – произнес Луалазье.

– Вероятно, – подытожил русский предположение лингвиста.

Словно осененные, астронавты разом бросились в командирскую рубку. Гравитация установилась.

– Ничего не могу понять, сейсмический анализ показывает, что не было ни одного передвижения грунта. Толчки под поверхностью также невозможны, они не могут двигаться из-за отсутствия на Марсе тектоники плит.

– И что же? – спросила Линдау.

– Надо проверить спутники, – вспомнил Ястребов.

– Я сейчас подниму Андрея.

Итальянец решил позвать астронавта, который больше понимал в технике слежения. Но его будто не слышали. Линдау и Ястребов продолжали наблюдать за сейсмографами.

Толчки «Паларуса» возобновились. Словно космическое судно, пытались перевернуть на другую сторону.

– Что показывают мониторы? – спросил Луалазье.

Он появился в проеме. И, не прислушиваясь к словам Линдау, тут же кинулся к экранам, которые представляли внешнюю сторону челнока.

– Ничего особенного снаружи не происходит, – сказала она, пропустив Луалазье.

Девушка хотела, чтобы он убедился в ее правоте и что места для усиленной паники нет. В этот момент Луалазье выглядел весьма испуганным. За все время Доминик Ниелло Луэстэ Луалазье выполнял работу, наблюдая за устройством электроники, вел наблюдение за изменением природных и других явлений, участвовал дополнительно в обследовании грунта, биологических поисков. В общем, делал все, что не входило даже в его обязанности.

«Зачем он был включен в команду?», – такой вопрос порой задавал сам себе Луалазье.

За все время препровождения на планете контактов с представителями фауны или иных форм цивилизации не случилось. Но в этот момент, наконец, четвертый пилот, словно инстинктивно принялся с жадностью, какое только бывает у изголодавшихся по теплу людей, искать хоть малей-

шее напоминание о инакоязычных объектах или же типичных звуковых эффектах космической среды, на Земле которые редко случаются. Он всегда ожидал чего-то большего, от обычной работы над бездушной электроникой высокоулавливателей. Он всегда считал, что сканирование космоса лучше проводить на каком-нибудь из ближайших его тел. Но, так как станцию на Луне уже второй год не удавалось запустить, Луалазье был, конечно, рад этой дальней планете.

В командном отсеке незаметно появился Волон. Его глаза были опухшими ото сна. Было видно, что его разбудили, когда он уже видел десятый сон. За время работы в биокостюмах, где время летит незаметно, становится заметна его мимолетность после того, как их снимешь, чувствуется усталость. Поэтому после отбоя экипаж, иногда укладываясь в спасательные мешки-спальники, почти моментально засыпал. Долгая работа в костюмах и над отчетами сейчас наложили отпечаток именно на Волоне. Хлопая глазами, пытаясь прогнать дремоту, он готовил себя к очередному этапу задач, застегивая воротничок.

– Что вы предлагаете делать, мистер Ястребов? — спросил он, осознав ситуацию.

Русский увлеченно продолжал наблюдения за показаниями сейсмического прибора.

– А, черт его знает... что может произойти в следующую минуту.

– Доминик?

Волон переключился на итальянца, не сумев понять значения слов русского. Он как-то незаметно перешел от рядового офицера к обязанностям должности старшего и заменил Янсона. Луалазье также со страстью на экранах что-то искал, бросая взгляд то на один, то на другой, не спешил с ответом.

Вдруг его что-то взволновало, и он обернулся.

– Мне показалось... – Луалазье, как обычно, не решался высказать свое предположение. Щуплый на вид, он казался беспомощным.

– Что-то... тут, на втором мониторе, – указал он слева от русского пилота, – за левым стопором, как мне показалось, что-то мелькнуло, белое, похожее на сгусток.

Линдау, оторвавшись от сейсмографа, примкнула к остальным. Она пыталась высмотреть это на экранах. Ей стало интересно, что так могло взволновать итальянца. Все, кроме Ястребова, стали рассматривать двухэкранный монитор, который представлял вид левого борта и заднюю часть челнока. Андрей гадал, откуда шли толчки. Он предположил о недоброжелательности планеты. Больше всего он боялся, чтобы не начался метеоритный дождь.

Внезапно Волон, не сказав ни слова, встал с кресла, решительно вышел из рубки.

– Согласен, Андрюха...

Словно прочитав мысли французского пилота, Ястребов направился за ним.

– Майкл, я думаю, так бы и поступил...

Спустя примерно двадцать минут оба астронавта обследовали борт. Ястребов и Волон услышали взволнованный голос Линдау.

– Неужели вы ничего не заметили?!

– К сожалению, Джоанна, пока ничего странного. Да и я не замечаю здесь ничего, чтобы могло вызвать интерес.

– Андрей!..

В наушниках послышался встревоженный голос итальянца, оставшегося следить за мониторами.

– Что-то белое у левого стопора...

В рубке возникло молчание. Вскоре, перебивая легкий треск радиопередачи, было едва узнаваемо неровное дыхание Волона. Через две минуты его речь возобновилась.

– ... подозрительного здесь не нашел.

– Я вижу...

Оставшись в одиночестве, в командном отсеке два пилота разом откликнулись на голос Ястребова.

Луалазье по редким наводкам Волона принялся машинально с помощью спутника искать на планете Ястребова, но то ли от недостаточной разработки зонда или других сбоев изображение из космоса по-прежнему не проходило на монитор.

– Эх, *questi cani gelate*,⁹ совсем вылетело из головы что «Вояджер» поломан.

⁹ Эти собачьи морозы.

Линдау, казалось, еще больше была обеспокоена и желала хоть как-нибудь помочь коллегам.

– Что, что ты видишь, Андрей, я тебя не вижу. Ты, в какой области?

Луалазье старался не терять из виду русского астронавта, ведя наблюдение от одной из единственных камер с видеозображением левого борта.

– Он направляется к палаткам, – пояснил он Линдау. – Постой, ... кажется, я что-то тоже заметил.

– Доминик, попробуй подключить малый зонд и постарайся найти нас. По-видимому, «Вояджер» накрылся от перемерзания, – сказал Ястребов.

– Почему он замерз? Ведь ... – Линдау обеспокоено выдавила из себя первый попавшийся вопрос.

– Джу, – услышал ее Ястребов, – он выдохся, «старичок», техника, как и люди, все в скором времени так ...

– Андрей, я вас вижу ...

Луалазье, колдуя над кнопками клавиатуры, набирал специальные коды, заставил двигаться робота-разведчика, до этого неподвижно ожидавшего приказ недалеко от входа в корабль. Словно послушный солдат, взметнув пыль из-под колес, он направился к людям, чтобы засвидетельствовать что-то невиданное, так встревожившее астронавтов.

Палатка от челнока размещалась на расстоянии сорока метров. Трехколесный марсоход двигался со скоростью четырнадцать метров в минуту. Ему хватило при полном шти-

ле, но попадая изредка на неровности лишь четырех минут, чтобы добраться до астронавтов.

Прошло больше шестидесяти дней со дня примарсования первых людей, вступивших на четвертую планету солнечной системы.

На планете Земля менялись дни и ночи. У каждого из землян велись свои дела, каждый жил своей жизнью. Домохозяйка стряпала на кухне, предприниматели томились в скучных кабинетах, или те нежились на песчаном берегу морского залива.

И только четыре землянина, забыв обо всех житейских хлопотах, занимались своей единственной работой – исследованием. Практически позабыв о земной жизни. В то время как рабочий на стройке ожидал окончания рабочего времени. У астронавтов работа шла в полном разгаре. Взрыв баллона в теплице при трясении планеты вывел из строя их коллегу.

Белые, блестящие на Солнце плитки палатки, некогда укладываемые Янсоном, Ястребовым и Волоном, спустя два месяца выглядели серо и некрасиво.

Огромный холодный космос, окруживший все живое и неживое яркими звездочками, словно россыпью миллиарда бисера, окутывал безжизненную планету своим бесстрастным взглядом.

К востоку, уже приближавшийся к окончанию своего ор-

битального пути, светился спутник Деймос, слегка касаясь странников своим светом. Но вот с западной стороны, появившись на экране небосвода, чтобы преступить к своему странствию и приветствию людей, выкатывался величавый спутник Фобос. Из-за своего названия он не придавал путникам большей уверенности.

Догоняя фигуры по песчаным дюнам, «АМИР W3» (automobile intellectual robot Worker) под светом «Страха» торопился к людям.

– Андрей, что у вас?! Андрей, отзовитесь... – не прерывал попыток связи Луалазье.

Его интересовало больше самочувствие коллег чем то, что их ожидало за пределами бортов «Паларуса».

– Ребята, Андрей, что вы видите?

Ответа снова не последовало. Доминик не заметил Джоанн. Она рядом с ним вслушивалась в тишину динамика на панели управления. Для улавливаемости звука Луалазье надел на голову наушники.

Он заметил испуганное лицо девушки. Было ясно, что та также очень беспокоилась о команде. Но за кого она больше волновалась: за русского или француза. Доминика начали терзать ревностные мысли, которые он пытался изгнать из своего разума, считая в эту минуту свою слабость за эгоизм.

– Андрей, – обращался он скорее к Волону, – что вы видите... прием, прием, бета... как слышите, прием?

– Ни черта не ловит.

Оставшись практически одни на корабле, лингвист и микробиолог тщетно ожидали ответа своих коллег. Тщетные попытки были испробованы, они ничего не могли сделать. И, не придумав ничего лучше, остановились на дежурстве в ожидании отзывов тех, кто находился по ту сторону корабля.

«АМИР W3», догнав Волона и русского, обогнав их, продолжал выполнять запрограммированную ему задачу. Объехав изумленных пилотов, робот направился к конечной цели. Конечной целью являлось то, что устанавливало в его микросхемах гуманоида.

Проехав дальше от людей в расстоянии около тридцати восьми метров, зонд остановился. Внутри него заработал механизм. Из коробки внутренних приборов наружу вытянулась небольшая камера в виде оптимизированного бинокля.

Машина, прежде чем отключиться, сделала несколько круговых движений вокруг человекоподобного существа, изучая. Существо, подождав прекращения работы марсохода, плавно, направилось в сторону людей.

– Андрей...

– Волон, Ястребов, мы вас не слышим, если вы нас слышите, подайте... – кричал Луалазье, – хоть какой-нибудь знак.

Он продолжал ожидать сигналы астронавтов в рубке корабля.

– Ребята, Андрей, Ан... дрей, – Джоанна уже путала, к кому обращается, – вас не слышно.

– Да где же этот робот! Может, он тоже какой-нибудь из старой модели?

Меланхолик Луалазье, человек с романтической натурой, повторял слова Джоанн, никак не в силах убедить себя, что девушка слабее его. На минуту он задумался. Он никак не ожидал увидеть ее такой сильной, серьезной и ответственной женщиной в этот момент. Казалось, скажи ей какую-нибудь неудачную шутку, это слабое с виду создание тут же заставит вылететь его с кресла одним только взглядом. Он начал ощущать, что его разум охватывает паника. Немного привстав с сиденья, намекнул девушке, чтоб та села вместо него. Этим Луалазье надеялся смягчить Джоанну.

– Не могу понять, где они, почему не отвечают? – сказала биолог.

Линдау думала только об экипаже. И на дружелюбное предложение лингвиста отреагировала молчаливым согласием. Заняв предложенное ей место, она не прекращала водить по клавишам, надев наушники. Не прерываясь, безуспешно пыталась соединиться с остальным экипажем.

– Андрей, Волон, Ястребов, где вы, отзовитесь?

Джоанна, с тревогой смотрела на вмонтированный над панелью монитор, который по-прежнему показывал одну экранную рябь. Хотя вместо этого на этом экране должен быть телеэфир посланного ими зонда. Работа «Авира» была кем-то заблокирована и его попытки передать информацию о существе, являлись пустым временем. У него работа-

ли только движущаяся часть шасси.

Луалазье, глядя на беспомощность Джоанны, ничего не мог ей предложить. Оставался, однако, еще один путь, но тут его решимость сменилась удивлением, но и скорей испугом, испугом за неизвестность дальнейших действий планеты.

– О, нет!..

– Что?! – отозвалась Джоанна.

– Сейсмическое предупреждение... На нас идет ураган...

Линдау, оставив свое занятие, перенаправилась к месту Луалазье.

– Здесь, – он указывал на локатор, циркулирующий по окружности прибора деления, – вот, Джоанн, видишь, бурое смещение к югу-западу... к двадцати градусам...

Луалазье хотел еще что-то добавить, но познания в сейсмике у него этим ограничивались.

– Все. Больше надежды нет, – выдохнул он.

Девушка обессилено вернулась в кресло второго пилота.

– Что говорит рабочий спутник? – выговорила она, отложив обессиленно наушники в сторону.

– Не основное, подтверждает ураган в тридцати километрах и... – Луалазье, еще раз взглядываясь в сейсмограф, пытался вытащить еще какую-нибудь полезную информацию. – Черт!!! Ничего не могу разобрать. Это объяснить сможет только сам Ястребов.

Шесть минут спустя Линдау собралась с силами.

– Пойду, посмотрю Янсона, может, он пришел в себя, –

сказала она после новой попытки связаться с командой.

– Хорошо, Джоанн, я попробую еще половить связь с ребятами.

Янсон по-прежнему находился в бессознательном состоянии. Джоанна, подойдя к нему, пощупала пульс, поправила покрывало.

Она молча глядела на казавшееся каменным лицо военного инженера. Янсон выглядел ушедшим в забвение. Лишь слабый пульс руки давал надежды, что второго пилота команда еще не потеряла.

– Что же нам делать, Майкл? Я уверена, ты бы знал, что делать, а если и нет... – Линдау глубоко вздохнула, – ты бы всех нас обязательно воодушевил.

Джоанна с заменяющей должностью медика команды пристав с кушетки, не спеша, направилась обратно в рубку, но встревоженный голос над головой Янсона, встроенным в стене динамика прозвучал голос Доминика Луалазье.

– Джу, я вышел на связь с Волоном, – взбодрив ее, заставил быстрее покинуть один из отделов лаборатории.

Не успев сделать шаг через открытую створку командного отсека, Линдау внезапно, как и лингвист, внимательно изучавший в это время приборы панели управления, ощутили все тот же толчок корабля, на этот раз, который оказался более сильным. Он подхватил Линдау и переместил в командирское кресло, где сам сидел.

– Что у тебя, Дом? – спешила Джоанна узнать, опираясь на кресло.

– Скорее сюда, смотри и слушай...

Джоанна поспешила надеть наушники. На рябющем экране, только если по-хорошему всматриваться, можно было бы увидеть необычную картину. Сопоставляя помехи звука и видео, с большим усилием вслушиваясь и напряженно всматриваясь, девушка заметила, как на искаженном экране едва улавливалось длинное полусветлое тело. Оно, казалось, ростом около трех с половиной метров. Худое, с большой головой, которая время от времени, будто в замедленной съемке, оглядывалось по сторонам. Наушники были настроены уже с высоким шумоподавлением частот. Однако, вслушиваясь в слова, точнее в отдельные фразы существа, Линдау пыталась хоть как-то различить их. В звучании голоса инопланетного, а может, и местного гуманоида, Линдау терялась. Голос казался умиротворенным. Отнюдь не таким, как представляли инопланетян в фильмах с резким и агрессивным тоном или разумного робота киборга-философиста.

Луалазье наблюдал за девушкой. Как ему показалось, Линдау что-то заинтересовало еще больше, ее пристальный взгляд, казалось, проникал сквозь помехи, ее мозг стал интенсивнее работать. Вдруг она, наконец, заметила пытливый взгляд на нее Луалазье. Не упуская из звуков речи инопланетянина, Линдау пыталась, не без удивления познаниям лингвиста, довести до себя смысл перевода.

Лингвист изучал многие языки, в том числе майя, забытый более четырехста лет назад. Узнав более знакомые словосочетания, Доминик тут же пытался подбирать нужные те или иные слова, формировавшиеся в предложения.

– Они хотят видеть нас, какие мы есть. Оно говорит, что они какие-то ммулюкки... – Луалазье замешкался с переводом слова.

Он пытался организовать каждое слово, и речь его от этого получалась протяжной.

– Они из созвездия, получается, Гончих Псов, что ли... – взглянул он на Джоанн, словно искал подтверждения в ее выпытывающем взгляде.

– Они..., как я понимаю, они наблюдали за нами все время. Они говорят, что спасут нас, так они обещают... – девушка хотела что-то спросить, но продолжала вслушиваться в слова коллеги.

– Еще немного....

– О чем он? – Линдау не выдержала молчание итальянца.

– Он упоминает какую-то гору Хор или Гор, в которой, говорит, нам откроется вся правда... – закончил переводчик.

Спустя минуту лингвист с сожалением снял наушники.

– Все!.. Робот окончательно отрубился.

Прошло время, наступил другой день. Положение не давало никаких надежд.

Выцветшая поверхность планеты, с одной стороны, на-

поминала земную пустыню, но большей частью безжизненный свободный горизонт с причудливыми горными формами, способствовал зарождению паники. Спустя три часа Джоанна Линдау снаружи корабля пыталась спасти одного из пилотов.

– Андрей, Андрей...

Линдау делала тщетные попытки поставить Волона на ноги. Французский астронавт Андрей Волон не подавал никаких признаков жизни. Его тело, словно мешок, волочилось по грунтово-песчаной поверхности Марса за тянущими его руками субмедика.

За прозрачным забралом шлема отражались сгустки пыли с ржавым песком. Закручиваясь, они, увеличивались в скорости их движения. Несколько камешков рикошетом отлетели от стекла шлема Джоанны.

– Андрей, ведь ты еще жив, я знаю, ну помоги же мне, поднимайся.

Линдау тщетно пыталась поднять тяжелое тело коллеги.

– Ну, милый, давай, дружок, еще немного, еще полметра...

Девушка не могла больше медлить. Крупный песок с камешками, поддавшись силе начинавшейся марсианской бури, задел ее.

– Черт, – заметила она глубокий разрез в костюме.

– Прости, Андрей...

Линдау оставила тело астронавта и быстрым шагом, как

только позволяла разведывательная, наземная, одежда, за-спешила в посадочный люк корабля. Сняв шлем, не расстегивая костюм, направилась в рубку. Включая тумблера, усилители клапанов, работу электроники, она желала только одного: как можно скорей покинуть эту планету.

Двигатели взревели, турбинный усилитель, не ожидая необходимого прогрева, уже готовился поднять корабль вверх.

Стопора еще не успели отсоединиться от корпуса, как были охвачены пламенем реактора. Тут же заработали двигатели судна. Осталось только набрать высоту и израсходовать все количество топлива, которое могло бы разогнать «Паларус» до определенной скорости.

Затем по инерции от начальной скорости, пролетев более пятидесяти миллионов километров, Джоанне в отдельной шлюпке-криокамере оставалось долететь на ходу без двигателя до атмосферы Земли. Отделившись от челнока в расстоянии чуть дальше от ее спутника.

Все рассчитано.

Среди последовательно включенных приборов автоматики европейской сборки межпланетный корабль за шесть с половиной месяцев непрерывного простоя на планете ожил. Линдау, с холодным спокойствием пережив все произошедшее, понимала, что потеряла своих коллег и друзей. В этот момент она не могла больше ни о чем думать, потому что невозможно было что-то изменить. Разэкипировавшись, она

должна была следовать инструкции: проверить состояние каждого из астронавтов и присоединиться к экипажу.

Какая к черту инструкция! Теперь она даже не знала, что ей делать. Она не слышала, как загудели стены. Тяжелая сила давления, поднимавшая корабль, заставила ее облокотиться о стену и опуститься на пол. В голове лишь мелькали мысли, никак не желавшие покинуть ее разум и бередившие душу.

В последний момент до отлета ей послышался хриплый голос в динамике на панели связи. Это был голос Волона. Как оказалось, когда Джоанна его оставила за бортом челнока, он был еще жив. Ужас и отчаяние охватило ее. Она была полностью подавлена.

Стартовавший 15 сентября 2078 года с планеты Земля, задержанный на полтора месяца полет на Марс, наконец, был закончен.

На Земле Линдау еще провела около трех часов в спасательной капсуле, в которой сохранялись места еще для трех человек. Но их не было, она была одна. Не с кем было посоветоваться, поделиться, подготовиться к выступлению перед всем миром. Но она была одна, Джу осталась одна.

Не шевелясь, она, сжимая поручни, словно руки своих товарищей, оставалась наедине со своими мыслями и воспоминаниями. Ей вспомнились широко открытые безжизненные глаза Волона. Маленькая, такая, как она сама, одинокая слезинка стекла по ее щеке.

Отвел ее от мрачных мыслей сработавший в камере сигнал, символизирующий о том, что ее нашли.

Снова и снова третий пилот перелистывала память последних минут на «Паларусе», произошедших уже чуть более шести месяцев назад. Они словно застряли в ее мышлении, словно это происходило сейчас. Но ничего нельзя было уже изменить...

Луалазье, развернувшись, встал с кресла.

– Доминик, ты куда?

Обычно Луалазье, чтобы принять какие-либо действия, всегда сначала согласовывал с экипажем, но такое поведение удивило Джоанну. Не отвечая ей и словно не слушая ее, лингвист направился к выходу.

– Дом, ты не должен... Ты не обязан присоединяться к ним.

Догадалась Линдау, но она не знала, как остановить итальянца.

С трудом, сопротивляясь его уверенности, однако, таким же непринуждением подавила она в себе желание его задерживать. Смотрела на него, понимая, что это бессмысленно.

– Ладно, я буду держать тебя в поле видимости, постараюсь не исчезнуть с диапазона.

Луалазье, надев космический скафандр, пройдя через коридор давления и очистки, очутился с снаружи корабля. Подскакивая от скорости, лингвист спешил к коллегам.

Наконец, после недолгого пути сквозь завесу поднявшейся пыли, он стал замечать очертания людей и другого неизвестного ему существа. На удивление и размышление времени у него не осталось. Его остановил внезапный яркий свет, и тут же он почувствовал на лице тепло, то неизвестно откуда словно проникало сквозь стекло шлема. Свет исчез так же внезапно, как и появился, но пропало вместе с ним и ощущение тепла.

Ощувив, что свет пропал, Луалазье не сразу приоткрыл зажмуренные глаза. Следующее представление поразило его, он хотел вновь их закрыть, считая это за сон, но через усилия воздержался. Перед ним проносилось поле, будто при быстрой езде. Быстро сменявшие друг друга горы и протекавшие ландшафты некогда вероятных речных каналов. Как только он это понял, глаза от внезапно навалившейся на него усталости стали сами закрываться. Однако Луалазье продолжал ощущать, что он стоит. В темноте. Хотелось думать о приятном. Появились воспоминания: лица, голоса родных и друзей, даже собачка Пимпо, расширив пасть, склонив на бок голову, высунула язык, глядела с любовью, что, казалось, сейчас, вот-вот прыгнет на него и примется лизать его лицо.

– Пимпо... – обрадовался Луалазье, потянув было ладони к животному.

Но вместо пса ему, показалось на миг, предстала Лейла, кареглазая корейка, с которой они еще учились в школе. Ее

след бесследно исчез после окончания последнего семестра в колледже. Он видел ее так отчетливо, что Луалазье казалось, только прикоснись к ней, и он почувствует ее теплоту и нежность, о которой он, на протяжении того времени грезил. В следующие минуты он стал догадываться, что это только видение. Все же он боялся, что ее образ исчезнет, медлил, боясь разрушить этот миг. Но ему пришлось это сделать. Скорей его заставила вероятная действительность, чем действительное желание и интерес о познании ситуации, ему необходимо узнать, что происходит на самом деле.

Он выдохнул, желая узнать реакцию видения девушки, картина действительно исчезла. Взору открылся все тот же бегущий ландшафт, который сквозь слегка запотевшее забрало шлема скафандра открывал панораму поверхности планеты.

– Лу-а-лазье, – услышал он спокойный умиротворенный голос, который прозвучал в его голове.

– Не бойтесь, Доминик, – продолжал ровный незнакомый голос, – вы в безопасности. Ждите нашего ответа.

Не бредит ли он, возникла мысль у ученого.

– Хорошо, что с вами нет плодоносного человека.

– Плодоносного?! Это... Джоанна? – догадавшись, о ком идет речь, он задал вопрос, обращаясь скорей к самому себе.

– Да, – ответил тот же голос, – речь о ней.

Луалазье приготовился к разговору, но неожиданно в наушниках появился треск.

– Доминик, обернись, – услышал он в портативном динамике левого уха.

– Повернись, Дом.

Услышав знакомый голос Волона, Луалазье послушался. Перед ним стояли оба космонавта: Ястребов и француз.

– *Simbolico!*¹⁰ – обрадовался он. – Ребята, как вы здесь... каким образом... куда вы... мы летим?

За спинами ученых, куда увлеченно обратил внимание Луалазье, ему представлялся вид из просвета уносящихся взад гор. Осмотрев помещение с разных сторон, Луалазье заметил, как вероятная поверхность планеты, стремительно увеличивалась, надвигаясь с одной из сторон помещения уменьшаясь в задней части проема и движением в окнах боковых сторон давая повод для размышления, что они находятся в каком-то движущемся транспорте с большими проемами по всему кунгу.

– Не знаю, Дом, он этого не сказал.

– Не сказал... Кто, Андрей?

– Гуманоид, которого мы встретили.

– Так?!

Луалазье овладела радость, он захлебнулся в словах. То, что он так долго ожидал со временем прибытия на эту планету, это услышать слово гуманоид или «это животное», «это существо».

– Вы... все же вступили в контакт?!

Луалазье не верил в происходящее. Все, о чем он мечтал, это было наилучшим вариантом его желаний. Контакт с инопланетной разумной цивилизацией.

– Не кричи так, Дом. Кто знает, чем еще обернется эта встреча.

– Что значит, чем? Нам удалось стать первыми свидетелями внеземных цивилизаций, первыми контактерами! Это уже удачный оборот!

Луалазье был удивлен поведением товарищей. Но ничего не сказал. Он принялся подыскивать вопросы, которые бы являлись особо важными на этот момент. Он еще раз стал осматривать помещение мобилия, или что это было, прохаживаясь по сторонам.

– А, интересно, здесь можно снять шлем? – сказал русский.

– Ты уже задавал как-то этот вопрос, – ответил ему Волон.

– Хм, не помню.

– И какие они?

Луалазье снова приблизился к астронавтам.

– Кто? – переспросил его француз, будто не понимая, о ком тот спрашивает.

Перезаданный вопрос удивил итальянца. Отчего бы уверенный в себе и все замечавший возле себя бортинженер переспрашивает его, когда такого никогда не было на всем протяжении их совместной командировки.

– Инопланетянин... – дополнил едва изумленный Луала-

зье.

– Ну, один из них, который встретил нас, высокий, больше трех метров, башка его с надутый шар, тонкие руки, пальцы у него длинные, ноги худые и от него исходил какой-то тусклый свет, – поделился инженер корабля.

– Радий, – предположил Ястребов.

– Что? – не понял француз.

– Ну... фосфор, одно из двух.

– Думаю, фосфориат. Смесь фосфора и гелия.

– Какая разница. Все одно: радиоактивно, и я принял решение... Шлема, что бы ни происходило, не снимать и считать, что все радиоактивно.

– Ну, ясно, Андрей, – как бы в шутку согласился Волон, внезапно поняв, что начинает ревновать к своей личности, когда посчитал, что жизнь сейчас зависит от принятия решения старшего члена экипажа, но он осознавал, что русский был прав, – будем иметь в виду. Луалазье, наблюдая за разговором ученых, пытался понять, о чем они спорят.

– О чем вы?

После недолгого зависшего молчания, словно его спутники обменивались друг с другом мыслями.

– О том, дорогой друг Доминик, что здесь может быть небезопасно, – подытожил Ястребов.

– Кстати, идальго, нам намекнули, что у планеты есть свои хозяева. А сама она несет местное название, как некая Эллия.

Ястребов выдержал паузу. Он дал Доминику возможность подумать.

– Что ей более двух с половиной миллиардов лет, и разница с появлением жизни на Земле составляет всего несчастный промежуток в 400 000 лет. Но не только на этот период существовала жизнь на Марсе...